

(He) верный муж

ДИАНА

РЫМАРЬ

Сапфировые истории

Диана Рымарь
(Не) верный муж

«Диана Рымарь»

2023

Рымарь Д.

(Не) верный муж / Д. Рымарь — «Диана Рымарь»,
2023 — (Сапфировые истории)

«Зайди в мой кабинет» – получаю сообщение от мужа. Иду туда – и что я вижу? Мой благоверный стоит с довольной мордой и расстегивает на штанах ремень. А перед ним его секретарь – Верочка. Она уже на коленях, готовит свои накачанные гелем губехи, чтобы ласкать моего мужа. Обалдеть не встать. Они даже меня не замечают, так увлечены друг другом. – Ты зачем меня позвал? Чтоб я посмотрела, что ли? – кричу на выдохе.

Содержание

Глава 1. День рождения дочки	5
Глава 2. Прозревшая	8
Глава 3. Не рабыня	11
Глава 4. Мог или не мог?	14
Глава 5. Моя непослушная жена	19
Глава 6. Красная тряпка для быка	23
Глава 7. Как Айк возвращал жену	26
Глава 8. (Не) виноватый	31
Глава 9. Третий ребенок	34
Глава 10. Как она узнала	42
Глава 11. (Не) женатый	45
Глава 12. Не пушу!	47
Глава 13. Сбежавшие	49
Глава 14. Дипломат	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Диана Рымарь

(Не) верный муж

Глава 1. День рождения дочки

Мария

Читаю сообщение от мужа: «Зайди в мой кабинет».

«Ок», – отвечаю ему.

Зачем я ему понадобилась? Знает ведь, что занята.

Включаю в телефоне фронтальную камеру, быстренько поправляю русые кудри. Столько укладывала их с утра, а толку ноль – торчат как попало. Оно неудивительно, учитывая, сколько мне пришлось побегать по дому.

Сегодня день рождения дочки, и у нас настоящий дурдом «Ромашка». Последние часы я рысью носилась из кухни в гостиную, чтобы подготовить все к празднику.

Кладу телефон на стол, подхватываю блюдо с пирожными и спешу в гостиную.

Вообще-то, дорогой муженек мог бы и сам спуститься. А то закрылся в кабинете со своими бумагами, и как будто его тут нет вообще. Может, что случилось?

В дверях кухни я натыкаюсь на сына.

Мой черноволосый черноглазый Давид – копия папы, даже хмурится, как мой муж Айк.

– Мам, там одна мелкота, я не хочу сидеть с пятилетками. Аниматор тупой...

Ну да, ну да, девятилетнему мальчику детский праздник не очень интересен.

Все же прошу ласково:

– Давид, у твоей сестры день рождения. Побудь с ними немного, а завтра вместе сходим в кино. Договорились же...

Сын кривит губы.

Ему моя просьба поперек горла. Упрямый, и этим он тоже в отца.

– Ну Давидик, золотко мое, побудь с сестрой, я прошу, она тебя так любит...

С этими словами перекладываю блюдо с пирожными в одну руку, а второй обнимаю сына за плечи, пытаюсь поцеловать в щеку.

Он тут же морщится, смотрит на меня с осуждением.

– Мама, я уже взрослый, не целуй меня!

Он говорит это и спешит вернуться в гостиную.

Вот так, уже взрослый, уже вырос настолько, что достает мне до подбородка, и уже «мама не целуй». А кажется, еще недавно был крохой, моим сладким, нежным Давидиком. Я родила его в восемнадцать, это произошло почти десять лет назад, а кажется, будто вчера. Как быстро летит время...

Так, некогда поддаваться ностальгии.

Спешу в гостиную вслед за сыном. Вскользь отмечаю, что он послушно уселся возле сестры и смотрит, как аниматор показывает фокусы со шляпой и живым кроликом.

Быстренько водружаю принесенное блюдо на стол, где уже стоит множество угощений.

Хозяйским взглядом осматриваю просторную, украшенную разноцветными шарами гостиную.

Маленькие гости с мамочками прилипли взглядами к аниматору. Вот и отлично.

Никем не замеченная, выскальзываю из комнаты.

Спешу к лестнице второго этажа.

Витая, с деревянными перилами, она ведет прямым к дверям нашей спальни. Детские комнаты чуть поодаль, а кабинет мужа – в самом конце широкого коридора.

Туда и направляюсь.

Обычно я стучусь, чтобы, не дай бог, не потревожить супруга и не нарваться на его недовольный взгляд. Но ведь Айк сам меня позвал, поэтому не соблюдаю этот ритуал, тихонько открываю дверь.

И застаю такую картину, что мне резко плохее.

Передо мной двое – мой Айк и его секретарь, Ве-е-ерочка...

Они стоят ко мне боком и даже не замечают, что уже не одни.

Мой высокий статный муж с довольным видом расстегивает ремень, а Вера уже на коленях, уже облизывает свои накачанные гелем губы, видно в предвкушении. Она убирает назад длинные черные волосы, собирается сделать ему...

Это какой-то кошмар из параллельной реальности.

– Ты зачем меня позвал? Чтоб я посмотрела, что ли? – кричу на выдохе.

Эти двое наконец оборачиваются.

– О-о, – картинно тянет Вера и встает с коленей, поправляет коричневое платье.

Айк быстро застегивает ремень, сверкает черными глазами и недовольно рычит:

– Ты почему заходишь без стука?

От его вопроса у меня лезут на лоб глаза.

– Серьезно? Это все, что ты можешь мне сейчас сказать?

Айк буравит меня гневным взглядом, потом поворачивается к Вере:

– Иди, ты мне сегодня больше не понадобишься.

Секретарь тут же хватается со стола портфель и уносится в коридор, усиленно пряча взгляд. При этом чуть не сбивает меня с ног.

А у меня в мозгу все крутятся его слова «Сегодня не понадобишься». Значит, завтра продолжат, что ли?

– Зайди, – требует муж и шагает в мою сторону.

Наверное, впервые за десять лет нашего брака я его не слушаюсь.

Стою как приклеенная, пытаюсь прийти в себя.

– Зайди, сказал, – гаркает он, уже почти подойдя ко мне.

От его грубых слов у меня будто включается мозг и восстанавливаются двигательные функции.

Разворачиваюсь и на полной скорости мчусь к лестнице.

– Мария, стой! – кричит он мне вслед.

Не слушаю его, продолжаю бежать.

Но я на каблуках, так особо не побегаешь. А он – быстрый, тренированный, к тому же значительно выше ростом. Догнать маленькую меня для него не проблема.

Слышу его шаги за спиной и очень скоро чувствую его стальную хватку.

Он цепляет меня за плечо, а потом обхватывает другой рукой за талию, прижимает спиной к себе.

– Что за цирк? Успокойся. – Его голос почти ровный, почти такой же, как всегда.

– Не трогай меня! Не смей! – цежу сквозь зубы, в попытке освободиться.

Айк резко поворачивает меня к себе, припечатывает к стенке.

– Ты что так взбесилась? – спрашивает он недовольно.

Смотрю на него и не верю. Он правда не понимает?

– Я же все видела своими глазами! – кидаю эти слова ему в лицо. – Ты и она...

Айк невозмутим, он отвечает как ни в чем не бывало:

– Что ты видела? Как я поправлял ремень на брюках?

От такой наглой лжи мне становится просто дико.

– А твоя секретарша при этом стояла на коленях и тянулась к твоему хозяйству! Она уже даже губищами своими причмокивала, предвкушала небось. Ты свинья!

– Ничего не было, не дури, – отрезает он строго. – Вера просто привезла мне бумаги.

В этот момент мы оба слышим чьи-то шаги на лестнице.

Вскоре вижу голову свекрови.

– Айк, Мария, нашли время обниматься, – вместо приветствия ворчит она. – Барсег, ты посмотри – их гости ждут, а они тут...

– Нехорошо, пойдемте. – За ее спиной появляется свекор. – Хватит миловаться.

Наверное, со стороны и вправду кажется, будто муж прижал меня к стенке ради ласки.

Мне хочется истерически смеяться.

Обнимаемся, ага, как же, милуемся...

– Не смей никому ничего говорить, – шепчет мне на ухо Айк. – Ты ничего не видела.

– Я не вернусь на праздник, – тихо отвечаю.

– Еще как вернешься, – цедит он сквозь зубы. – Я не потерплю скандала.

Потом впивается в мой локоть своей ручищей и больно сжимает, заставляет подчиниться.

Глава 2. Прозревшая

Мария

Я оглядываюсь на Айку, и первое, что хочу сделать: завизжать, потом топнуть ногой, и выдать на-гора все, что видела в кабинете.

Пусть свекры смотрят на меня во все глаза, это не мне сейчас должно быть стыдно.

Будь что будет, гори оно огнем...

Я уже открываю рот, но в этот момент внизу слышится стук двери, а на лестнице раздается топот детских ног.

– Мапочка, где ты? – кричит Лиана.

Она несется наверх так быстро, что ее черные хвостики то и дело подпрыгивают.

За ней поспевает Давид.

– Шоу уже закончилось, ну вы где? – возмущается он.

Их появление отрезвляет.

Я вмиг понимаю – ничего-то мне сейчас говорить нельзя.

Если при свекрах я еще могла решиться выкинуть фортель, то при детях сделать такое будет свинством.

Как я при них могу сказать плохое про их отца? Зачем им знать о том, какой он кобель? Я не хочу делать им больно.

– Пойдемте вниз, – бодро командует Айка.

Все спускаются.

Меня же он ведет как под конвоем.

Даже когда мы оказываемся в гостиной, он не отходит, внимательно следит.

И я играю свою роль.

Натягиваю на лицо улыбку, даже отвечаю что-то гостям, беру предложенный мне стакан апельсинового сока. Пригубляю, но вкусовые рецепторы будто атрофировались, ничего не чувствую.

В голове такой хаос, что за сто лет не разберешь.

«Ты ничего не видела!» – всплывают в голове слова Айку.

Я и вправду, похоже, слепая...

Сколько раз он задерживался на работе последние два года. Как часто ездил в командировки, причем с ночевкой, не всегда даже звонил мне оттуда.

Он ведь у нас деловой, директор компании, которую ему передал отец. Весь такой важный-преважный, с кучей обязанностей, которые, кроме него, ну никто не может выполнить.

Айк вообще очень сильно изменился, с тех пор как отец ушел на покой. Стал важным, как индеец, накупил дорожных костюмов. Он разъезжает куда хочет, задерживается сколько душе угодно, и ни слова ему не скажи. Сам себе на уме. И как результат я ему, похоже, больше не интересна.

Воскрешаю в памяти образ его секретаря. Вера, сука, длинные ноги. Они у нее и вправду от ушей. Она ростом почти как Айк, а в нем целых сто восемьдесят пять сантиметров. Видно, после маленькой меня его потянуло на высоких.

К слову, она ведь не первая длинноногая секретарь в его приемной. До нее была Анна, а раньше Светлана.

Может, он с каждой спал? От этой мысли меня буквально воротит.

А я, дура наивная, сидела дома, воспитывала его детей. Рубашки ему гладила, брюки... И даже те самые, которые он сегодня расстегивал при своей любовнице!

Как же так можно, я не понимаю. На дне рождения у дочери, так показушно зажигать с другой. Еще и меня при этом позвать! Кем надо быть, чтобы так сделать? И сколько раз он уже такое проделывал? Ведь секретарь приезжала к нему далеко не в первый раз.

Мне становится так тошно, что хочется выть.

Стою как обухом стукнутая. Не понимаю, как хватает сил продолжать улыбаться, на лице уже болят мышцы. Нестерпимо хочется прямо при всех гостях выплеснуть сок Айку в лицо, а потом еще оплеуху ему справа. И слева! Для симметрии.

Муж не подозревает о моих желаниях, ведет себя как ни в чем не бывало.

Убедившись, что я ничего не вытворю, он наконец отходит от меня, начинает общаться с гостями.

Сегодня он как никогда обаятелен. Сыплет шутками, что для него нехарактерно, всячески поддерживает разговор, периодически пытается включить в беседу и меня.

А у меня губы не слушаются.

Я не могу никому нормально ответить.

Пытка весельем все длится и длится. Кажется, этому не будет конца.

Все же не выдерживаю, сбегаю на кухню.

Возвращаюсь, лишь когда гости собираются по домам.

– Какая-то ты сегодня вареная, Мария, – качает головой свекровь и неодобрительно на меня смотрит. – День рождения дочки, а ты будто воды в рот набрала. Такой праздник надо встречать с хорошим настроением.

О, этот праздник я предвкушала, долго готовилась. Только вот никак не ожидала, что мне его так бесцеремонно испортят.

– До свидания, Лилит Арменовна, – это все, что я в состоянии выдать.

Она поджимает свои пухлые губы и поворачивается к выходу.

Когда мы провожаем свекровь, улыбка слетает с моего лица.

– Я наверх, порублюсь в приставку. – Давид не замечает моего настроения.

– Я в игрушки играть, – сообщает дочь.

Оба отпрыска бегут наперегонки в свои спальни.

Я же возвращаюсь в гостиную, совершенно обессиленная.

Айк спешит за мной.

– Все отлично прошло, – говорит он с довольной миной.

Точно такой же, какая у него была сегодня в кабинете, когда Вера стояла перед ним на коленях.

– Ты подонок! – кричу на него.

– Опять ты за свое, – злится он. – Ничего не было, успокойся!

– Зачем? – стону на выдохе. – Скажи, ну вот зачем ты позвал меня наверх? Чтобы я все увидела, да? Тогда почему теперь отпираешься?

– Мария, я не звал тебя наверх, – разводит он руками.

– Ты прислал мне сообщение! – напоминаю ему.

Айк достает из кармана мобильный, демонстрирует мне нашу переписку, а там и вправду никаких сообщений.

– Тебе привиделось, что ли? – спрашивает он с усмешкой.

Ага, прямо целый день глюки ловлю.

Спешу на кухню за оставленным там мобильным.

Айк идет следом.

Нахожу телефон и сую ему в лицо:

– Вот!

Он с недоумением смотрит на сообщение.

– Я его точно не отправлял, – он резко хмурится. – Мария, я тебе не изменяю, если ты этого боишься.

От его слов мне становится смешно.

Не изменяет, ага, как же. Действительно, наверное, поправлял ремень. А секретарь, видно, просто хотела ему помочь. Губами!

– Я хочу развода, Айк! – кричу ему в лицо.

В первую секунду он каменеет, потом начинает скрипеть зубами. Выдает злобно:

– С какого перепуга?

– Считай, что твоя клуша-жена прозрела! – заявляю с чувством. – Я все видела, понял? Все!

– Ты устраиваешь цирк из-за какой-то ерунды, – он щурит глаза.

– Интрижка с секретаршей – это не ерунда!

Мои слова никак на него не действуют. Ему все равно, никакой вины он не чувствует.

– Только мяукни мне еще раз про развод – и ты узнаешь меня с плохой стороны, – чеканит он с непроницаемым видом.

Потом выходит из кухни, громко хлопнув дверью.

Глава 3. Не рабыня

Мария

Я – робот.

Следующим утром я, как обычно, встаю раньше всех – с тем лишь исключением, что этой ночью я так и не пришла в спальню к мужу. Впервые за все десять лет наших отношений. Я спала в гостевой, если бесконечные кручения в постели вообще можно назвать сном.

Бужу детей, купаю и одеваю маленькую Лиану, слежу, чтобы Давид собрал портфель в школу.

Так же, будто робот, отправляюсь на кухню, готовлю завтрак, накрываю, как обычно, в гостиной.

Пока я хожу из кухни в гостиную, относя по очереди блюда с омлетом, тостами и фруктами, за столом собирается вся семья.

И вот наступает момент, когда мы чинно-благородно завтракаем.

Точнее, едят дети, муж.

Я же сижу с кружкой кофе и наблюдаю за своим семейством.

Странно, но никто из них не заметил, что со мной что-то не так. Сидят как ни в чем не бывало, уплетают за обе щеки и не видят, что я креплюсь изо всех сил, чтобы не разрыдаться как последняя дуручка.

Мне так больно и плохо – и никто не видит.

Лиана, Давид и Айк синхронно стучат по тарелкам вилками, пьют свежавыжатый апельсиновый сок.

Дети очень похожи на мужа, ничего моего. Я светлая – и кожа, и волосы. Даже глаза золотисто-карие. Они же черноволосые и черноглазые. Порода семьи Амарян. Что говорить, сын с дочкой даже улыбаются и хмурятся, как Айк.

Айк!

Мужчина, которому я отдала десять лет своей жизни.

Мужчина, который вчера чуть не сунул хозяйство в рот секретарши прямо у меня на глазах. Эта картина до сих пор стоит перед глазами.

Отворачиваюсь к окну, чтобы хоть как-то успокоиться, собраться с мыслями, решить, что со всем этим делать.

И тут мне прилетает от Айка:

– Омлет тонкий, как блин. Ты что, не могла сделать пышный? Хотя чуть постаралась бы.

Его замечание коробит.

Нет, ну ни фиги себе!

Я смотрю на него и обалдеваю от его наглости. Он вчера такое учудил, даже не извинился. Я проглотила обиду, приготовила ему завтрак, и он же еще недоволен!

Самое смешное – еще вчера я бы, может, даже начала оправдываться, ведь забыла погреть его тарелку, прежде чем положить на нее омлет.

Пока силюсь ответить, меня отвлекает дочка:

– Мам, где масло? Хочу тост с маслом и вареньем.

Смотрю на стол – и вправду забыла масло.

Встаю, иду на кухню, приношу масленку.

Пока намазываю тост для Лианы, Давид говорит:

– Мам, чай горячий, принеси другую кружку, чтобы перелить.

Вручаю тост Лиане, иду на кухню за новой кружкой. Прихожу, ставлю ее перед сыном, а он выдает:

– Ой, уже остыл, не надо. Принеси мне лучше печеньки.

Снова иду на кухню, хватаю контейнер с печеньем, которое испекла вчера для дня рождения.

Когда возвращаюсь в гостиную, меня добивает Айк:

– Какая-то ты несобранная в последнее время. Неужели нельзя сразу накрыть на стол так, чтобы не бегать туда-сюда? Не сложно же.

С обалдевшим видом сажусь за свое место, даже не нахожусь, что ответить. Точнее, ответов на языке вертится много, но ни один при детях не произнесешь, ибо все матерные.

Молча беру кружку с кофе, делаю глоток. Но, как и вчера, вкусовые рецепторы будто отключаются – не ощущаю ничего.

Разом как-то наваливаются воспоминания о том, сколько раз повторялась подобная картина. Носишься из кухни в гостиную как угорелая. Члены семьи постоянно что-то просят. А когда сама садишься завтракать, остальные успевают поесть. Мало этого, так домочадцы еще и чем-то недовольны, высказывают претензии.

Когда я стала для своей семьи прислугой? Ладно дети, они еще маленькие...

Или не ладно? Давид, например, вполне способен сам сходить за кружкой.

– Давид, Лиана, возьмите свои тарелки и отнесите на кухню, пожалуйста, – прошу их.

На меня тут же устремляются две удивленные морщины. Не ожидали подобного, это точно.

– Мам, я опаздываю в школу, – буркает Давид. – Почему я должен убирать?

Строго на него смотрю, всем видом показываю, что я серьезно.

Он к моим строгим взглядам не привык. Корчит недовольную мину, но берет тарелку, кладет на нее столовые приборы и уносит.

– Я тоже уберу, – кивает Лиана.

Хватает свою тарелку, напрочь забыв про вилку, и с важным видом несет ее на кухню. Потом шмыгает наверх.

Едва дети уходят, муж впирает в меня гневный взгляд.

– Я ждал тебя вчера ночью. Объясни русским языком, почему ты не пришла?

– Мне еще надо объяснять? – смотрю на него с обидой. – Ты не помнишь, что вчера было?

Лицо Айка резко грубеет. Он плотно сжимает зубы, поигрывает желваками.

– Мария, оглянись вокруг, – он обводит взглядом гостиную. – Вот это все обеспечил тебе я. Неплохо, да?

И вправду оглядываю гостиную.

Она у нас шикарная: просторная, светлая, обставлена со вкусом.

Я шила серебристые занавески, которые висят на окнах. Лично выбрала каждый предмет интерьера, старалась найти гармонию, идеальное сочетание серого и синего. Как рабыня Иззур, ежедневно прибираю здесь и в остальных комнатах.

Но да, оплатил все это мой супруг.

Он тем временем продолжает.

– Ты, моя дорогая, расслабилась. Если ты думаешь, что можешь устраивать мне на пустом месте бунты, то нет, я этого не допущу. Мотать себе нервы из-за ерунды не позволю. Бабские истерики оставь при себе. Это последняя ночь, которую ты провела не в нашей спальне. Ты должна спать со мной. Всегда! Я глава этого дома. Ты должна меня уважать и слушать.

От его тирады у меня начинается нервная почесуха и прорывается истерический смех.

– А правую почку я тебе не должна?

– Ты почему мне хамишь? – он злится еще больше.

– Потому что ты обалдел! – шиплю на выдохе. – Ты обнаглел в край, Айк!

– Закрой рот, – цедит он и пристально на меня смотрит.

От подобной грубости я немею.

Айк продолжает тем же тоном:

– Если я еще хоть раз услышу от тебя что-то подобное, заберу у тебя карту. Неделю походишь с пустым кошельком, прочувствуешь, как оно, может начнешь ценить. Ты все поняла?

Раньше Айк никогда не позволял себе попрекать меня деньгами.

– Что? – Сижу с отвисшей челюстью.

Айк не отвечает мне.

Молча встает и уходит.

Я же остаюсь на месте, через пару минут слышу, как хлопает входная дверь. На улице раздается звук мотора. Муж уезжает на работу.

У меня трясутся руки, ничего не могу делать. Нет сил, даже чтобы встать и прибрать со стола.

И что, теперь у нас с ним будут такие отношения? Он делает что хочет, а если мне что не по нраву, станет шантажировать меня деньгами? Где тут любовь? Уважение? Я его должна уважать, а меня не надо?

Самое печальное, наши отношения стали такими не сегодня. Да, Айк всегда был строгим, но раньше ничего подобного себе не позволял. А впрочем, в последние годы он в принципе вел себя слишком высокомерно. И я все сносила. Зачем?

Я так не могу.

Я так не хочу!

Достаю из кармана домашнего платья телефон и набираю номер психологической помощи.

– Мам, ты как? Как давление?

– Привет, доченька. – Мать явно рада моему звонку. – Уже получше, спасибо. Так хочу поздравить Лианочку, жаль вчера не смогла к вам прийти.

А мне вот не жаль. При маме я сто пудов разрыдалась бы, прям как маленькая.

– Мамуль, можно мы с Лианой и Давидом приедем к тебе на пару дней? Мне очень надо...

– Конечно, приезжайте, – тут же соглашается она.

Наконец я встаю. После принятого решения в теле даже появляется энергия.

Не знаю, правильно ли поступаю, но по-другому сейчас не могу.

Иду собирать вещи.

Глава 4. Мог или не мог?

Мария

– Мам, на фиг нам торчать у бабушки? – упирается Давид, когда я паркую машину у дома матери. – У меня завтра контрольная, ехать в школу далеко...

– Я тебя отвезу, – пытаюсь его убедить. – Ты успеешь, ничего страшного.

– Ага, по всем пробкам, – ворчит он, вперив меня сердитый взгляд.

Лиана тоже не в восторге от того, что мы поехали к бабушке на несколько дней. Еще бы, ведь бабушкина скромная двушка не сравнится с нашим двухэтажным домом, где есть крытый бассейн, куча мест, где можно поиграть, не говоря уже о набитой игрушками комнате дочки, которую она обожает.

Лиана любит бабушку, но гостить у нее подолгу никогда не хочет.

Она морщит носик и канючит:

– Мам, давай возьмем бабушку и поедem к нам домой? Там же лучше!

Смотрю на этих двоих и не знаю, как их убедить.

– Дети, я вас прошу, пожалуйста, послушайте меня, так надо! – на последних словах мой голос срывается.

Еле сдерживаюсь, чтобы не зареветь.

Давид хмурится и неожиданно спрашивает, прямо как взрослый:

– Мам, что случилось? Что-то случилось, да? Иначе ты бы нас к бабушке с вещами не тащила.

Лиана тут же делает большие глаза, наострив ушки.

И как мне им все объяснить?

Пытаюсь как-то смягчить ситуацию:

– Просто мне и вашему папе нужно немного побыть отдельно друг от друга...

– Мам, я не тупой, – вдруг выдает сын. – Вы что, разводитесь?

– Нет, – качаю головой.

А про себя добавляю: «Пока нет».

Сын вылезает из машины сердитый донельзя. Помогает мне с чемоданами. Я беру большой, а он тот, что поменьше.

Мы вытаскиваем Лиану, все вместе идем к подъезду, поднимаемся на пятый этаж.

Стучу в дверь маминой квартиры.

– Доченька, привет. – Она очень рада меня видеть.

Она у меня не старая, ей всего пятьдесят, но в уголках глаз и на лбу уже много морщин, хотя волосы по-прежнему медово-русого оттенка, прямо как в молодости. Впрочем, она у меня парикмахер – сам бог велел следить за прической.

Она видит наши чемоданы, грустно вздыхает. Но быстро натягивает улыбку и говорит детям:

– Внучки, проходите, я вам испекла пирожки, ваши любимые, с вишней.

Мы отправляем детей на кухню, делаем им какао.

Пока они жуют угощение, мама хватается за локоть и ведет в спальню.

Мы усаживаемся на ее кровать, застеленную пушистым розовым покрывалом.

– Доченька, что произошло? – спрашивает она.

Наконец мне не нужно носить никаких масок, улыбаться и притворяться, что мир остался прежним.

Я кривлю лицо, болезненно всхлипываю и признаюсь ей:

– Айк мне изменяет...

Мама сидит в полном шоке, качает головой и говорит:

– Твой Айк изменил тебе? Да нет, он не мог. Кто угодно, но только не он!

Мне противно вспоминать вчерашнюю историю с секретаршей, но я все же рассказываю ее маме во всех мучительных деталях.

– ...Это было так мерзко! – заканчиваю свой рассказ. – Так нагло, так показушно с его стороны! В нашем же доме, на дне рождения, когда внизу куча гостей, свекры. Он этим практически подписался под тем, что ему безразличны мои чувства. Ну что это, как не наглость в последней степени такое учудить, мам?

– Да никакая это не наглость, – машет она рукой. – Дурость это! Доченька, может, ты не так поняла? Ну не верю я, что твой Айк мог такое совершить...

Скажи мне кто еще пару дней назад, что он так сделает, я бы плюнула этому человеку в лицо. Ибо вот уже много лет я была в нем абсолютно уверена...

Мы с Айком вместе со школы.

Точнее, в школе-то мы не слишком ладили, особенно в первые месяцы. Зато потом...

Я часто вспоминаю, как мы с Айком познакомились.

Мама как раз переехала со мной и сестрой в новый район, в ту самую квартиру, где до сих пор живет.

С первого сентября я пошла в новый класс.

Это очень сложно в семнадцать попасть в абсолютно новое окружение, где тебе совсем не рады. Одиннадцатый класс для меня был сплошным испытанием.

И главным человеком, который испытывал меня на прочность, стал Айк.

После первого же учебного дня он подловил меня у школы и объявил:

– Будешь моя, без вариантов.

Он сказал это так просто, будто я безвольная кукла и в принципе не могу иметь своего мнения на этот счет. Мне такое отношение показалось дикостью. К тому же худой черноволосый парень с пушком вместо усов и тяжелым взглядом не очень-то меня привлек физически.

Я ему отказала. Гордо ушла.

Айк тогда посчитал это личным оскорблением и постарался сделать все, чтобы моя жизнь в школе стала невыносимой.

Со мной никто не садился за одну парту, не здоровался. Я стала для одноклассников словно невидимка. Учителя видели, что я в классе настоящий изгой, и тоже относились ко мне с опаской, что сказывалось на оценках. Я успокаивала себя лишь тем, что мне нужно потерпеть только до конца года, а потом я больше никогда не увижу этих людей.

Но через полгода молчаливого террора Айк снова начал подбивать ко мне клинья. Теперь уже я делала вид, что в упор его не замечаю. Хотя это было очень сложно.

Бывало, сижу в классе на уроке, чувствую, как горит затылок. Мельком оборачиваюсь, вижу – смотрит. Он бесконечно на меня смотрел. Куда бы я ни пошла, он старался оказаться поблизости.

За время учебы в одиннадцатом классе Айк очень изменился. Вырос на целых полголовы, раздался в плечах, превратился из подростка в крепкого молодого парня. Тут, наверное, дело было еще в спорте, он много им занимался.

За ним бегали все одноклассники, но он смотрел лишь на меня.

А на выпускном Айк настойчиво пригласил меня на танец.

Отчего-то мне стало неловко отказать ему при всех, и я пошла. Это был первый раз, когда я находилась к нему настолько близко, чувствовала на себе его руки. Меня буквально обжигало в тех местах, где он меня касался. Я плавила от его прикосновений.

К концу песни Айк утащил меня из зала кафе, где проходил праздник. Потом зажал в уголке коридора и поцеловал.

Это было божественно!

Я никогда не думала, что мне может в принципе понравиться его поцелуй, тем более не ожидала, что понравится настолько сильно. Собственно, ни с кем другим я и не пробовала целоваться.

Я сама не поняла, как оказалась в его машине. К тому моменту отец как раз подарил ему новенький черный седан зарубежного производства.

Айк увез меня в парк, к берегу реки. Долго рассказывал, как я ему нравлюсь и что я просто обязана стать его девушкой. И целовал, целовал...

Это было какое-то сумасшествие.

Вся та ночь казалась сплошным безумием.

Я лишилась девственности тогда же, на заднем сиденье его машины. Просто не смогла ему отказать, да к тому же после долгих поцелуев я сама очень сильно его хотела. Когда все случилось, мне стало жутко неловко и стыдно. Я ведь и близко этого не планировала. Попросила Айку отвезти меня домой.

Уже на следующий день он появился у порога родительской квартиры с розами. Я сделала вид, что меня нет, потому что мне до сих пор было стыдно за то, что я позволила ему с собой делать.

Айк пришел на следующий день, и на другой... Он ходил ко мне неделю, пока наконец не добился того, чтобы я пошла с ним на свидание. То свидание также закончилось сексом в его машине. Как и все последующие.

Айк пользовался презервативами. Но видно, не очень умело, потому что уже через месяц я поняла, что беременна.

Как же я рыдала в подушку, когда тест показал две полоски. Не имела ни малейшего понятия, как поступить. Об аборте не думала, но и не представляла, что стану делать с ребенком.

Тогда я сама еще, по сути, была ребенком, пусть и совершеннолетним. Студентка-первокурсница, которая еще даже не успела приступить к учебе. Без работы, без каких-либо собственных средств. С мамой, которая трудится парикмахером в недорогом местном салоне, с сестрой-школьницей.

Я не знала, что делать. Я была в панике.

Еще очень боялась сообщить о ребенке Айку. Почему-то была уверена, что он меня пошлет. Ну правда, переспали фактически на первом свидании, если выпускной вечер вообще можно так называть. А дальше только и делали, что спали. К тому же он, как и я, студент-первокурсник. Зачем ему ребенок? Тем более от меня, девочки, которую он так долго третировал и которую потом заполучил по щелчку пальца.

Но я все же нашла в себе смелость, позвонила и все честно ему сказала.

Айк пришел тем же вечером, вручил мне кольцо с маленьким сапфиром и сказал:

– Будешь моей женой.

Такого не ожидаешь услышать от восемнадцатилетнего парня. Ну вот никак! Впрочем, Айк уже тогда рассуждал очень по-взрослому. Он всегда был таким – серьезным, решительным.

А самое главное – Айк очень обрадовался, что я залетела.

Гладил меня по животу, говорил, какая я красивая и как мне будет с ним хорошо. Он даже признался, что давно меня любит. И от этого признания мне стало очень приятно. Я согласилась выйти за него замуж, счастливая оттого, что нужна ему и что мне не придется в одиночку растить ребенка.

На следующий день ко мне нагрянули его родители.

Я была дома одна и открыла, не имея ни малейшего понятия, кто ко мне пришел.

Как же орала его мать: «Не позволю использовать моего сына! Ты посмотри какая хитрая сучка – увидела богатенького парня и сразу залетела, чтоб устроить свою никчемную жизнь.

Но это Айк молодой, глупый, зато мы умные. Мы не пустим тебя в свою семью. Ишь ты, краля, решила нашему сыну жизнь угробить. Мы его скорее из дома выгоним, чем позволим жениться на тебе. Он потыкается, помыкается, а потом перебесится и успокоится, и обязательно женится на хорошей девушке по нашему выбору. Забудет про тебя, непутевую».

Мне было так больно от ее слов, что хотелось разрыдаться.

Я позвонила Айку, рассказала о визите родителей. Он ничего мне не ответил.

После этого я была уверена, что больше не увижу Айка. Но тем же вечером он пришел в мой дом с сумкой.

Он вызвал мою маму на разговор и сказал:

– Я пойду работать, не вечно буду студентом. Ваша дочь со мной не пропадет, мы с ней поженимся, и я буду о ней заботиться. Но мне сейчас нужна ваша помощь. Пустите меня к вам пожить, я заработаю денег, и мы с Марией уедем.

Мама поохала, поахала, но пустила его к нам.

И мы, два желторотых первокурсника, пошли в загс. Поженились, оба начали работать, а через несколько месяцев сняли квартиру и зажили полноценной семьей.

Лишь спустя пару лет Айк признался, что намеренно сделал мне Давида. Он хотел меня себе, причем с гарантией, чтобы я уж точно никуда от него не делась. Звучит кошмарно, да. Ведь это в корне неверно привязывать к себе другого человека таким способом. Но к тому времени я уже настолько сильно его любила, что мне показалось – ну и хорошо, ну и правильно.

Все, чего я хотела, это всегда быть с моим Айком, растить его детей, таять от нежности в его руках. Любить, любить...

Родители простили Айка, когда я забеременела Лианой.

Тогда же отец позвал Айка работать в своей фирме – компании по поставке бытовой техники.

Айк в то время трудился территориальным менеджером, колесил по всему Краснодарскому краю. Дома бывал мало и урывками. Мне очень его не хватало.

Мы с ним посоветовались и решили, что ему стоит принять предложение отца, осесть в офисе в Краснодаре.

Так в нашу жизнь вернулись Лилит и Барсег Амаряны – родители Айка.

Муж быстро продвинулся по карьерной лестнице в компании отца, он всегда был очень упорным и много работал. Он купил для нас дом, очень старался для семьи.

Кстати, свекры больше не выказывали мне недовольство открыто. Улыбались в лицо, дарили подарки на каждый праздник, общались с внуками, баловали их. Но для меня не секрет, что они меня едва терпели. Уж конечно, они предпочли бы видеть рядом с Айком совсем другую девушку, и неважно, сколько у нас детей. Однако им было прекрасно известно, что если заикнутся об этом, то сын пошлет их к такой-то матери и снова прекратит с ними всякий контакт. Он мне так и сказал в самом начале.

Всю нашу совместную жизнь я была уверена в том, что Айк меня любит. Потому что невозможно совершать все те поступки, какие он делал, если не любишь.

Он хотел меня каждый день, частенько баловал, заботился. Много требовал от меня, да. Был строг, временами груб, но и отдавал тоже много.

Мы были только друг для друга.

Всегда!

Как после всего этого можно было ожидать, что он на дне рождения дочки будет зажигать с секретаршей? Для этого нужно как минимум прекратить любить. Неужели, он прекратил? И как я умудрилась проворонить момент, когда это случилось?

– Не верю, что Айк способен на такое, – продолжает твердить мама. – Доченька, может, ты все-таки что-то не так поняла?

Сейчас, сидя возле нее и рассказывая о вчерашнем, я почему-то теряю былую уверенность. Что если я и вправду умудрилась надумать то, чего нет? Но эсэмэска-то была! Как и непростительная грубость Айка сегодня утром.

– Мам, можно я просто полежу и отдохну, – прошу у нее, вытирая ладонями мокрые от слез щеки.

– Ложись, конечно, – она кивает. – Поспи, я погуляю с ребятней. Вечером обо всем поговорим.

При упоминании о вечере мне становится еще хуже.

Вечером Айк вернется с работы и обнаружит, что нас нет.

Я понятия не имею, как он на это отреагирует. Особенно если учесть, какой подарочек я ему оставила на голых эмоциях.

Глава 5. Моя непослушная жена

Айк

Я приезжаю к зданию офиса раньше обычного.

Рабочий день начинается в девять, но сейчас только половина девятого, а я уже прикатил. Ибо дома обстановка просто невыносимая.

Мария вконец обнаглела! До сих пор изнутри потряхивает после шикарного, в кавычках, семейного завтрака.

Некоторое время остаюсь в машине, плююсь на черную обивку руля и прокручиваю в голове все, что случилось вчера и сегодня утром.

Мария разве не понимает, что утро – это время, когда я насыщаюсь энергией для сложного трудового дня? Нашла когда делать лицо кирпичом, будто перед ней сидит не любимый муж, а как минимум последний подонок на всей земле.

Ее демонстративная обида и недовольные взгляды с утра пораньше очень меня взбодрили. Еле сдержался, чтобы не наорать при детях.

Но это все, конечно, не идет ни в какое сравнение с тем, что она умудрилась учудить вчера.

Это ж надо догадаться заявить мне, что она хочет развода!

Мария нормальная вообще? Ну вот серьезно, нормальная?

Я ради нее, ради наших детей вкалываю последние десять лет сутки напролет, и она мне вот так заявляет. Просто и легко – хочу развода...

Было бы из-за чего вообще.

Изменщика она нашла в моем лице.

Смешно!

Между прочим, я ни разу в жизни не изменил жене. Больше скажу, кроме нее, у меня вообще не было женщин. Оно неудивительно, если учесть тот факт, что я еще в школе втрескался в нее по самую макушку.

Тогда втрескался... Прошло десять лет, и до сих пор не отпустило.

Я так отчаянно желал, чтобы она была со мной, что готов был на что угодно. Когда она наконец сдалась и мы начали встречаться, меня и близко не устроили свидания через день, торопливые обжимания в машине. Мне невыносимо было отпускать ее после этого домой. Я хотел жить с ней, любить ее каждую ночь, чувствовать, что она вся моя. Поэтому сделал все, чтобы она побыстрее залетела и вышла за меня. Я даже наплевал на мнение родителей и ушел из дома, только чтобы иметь возможность на ней жениться.

Потом я лез вон из кожи, лишь бы ей нормально жилось. Первый год было особенно тяжело, брал любую подработку, лишь бы у нас имелись деньги на съем жилья, еду, одежду. Потом еще детские вещи, памперсы эти бесконечные. Что я только ни делал, чтобы нам хватало. Вкалывал официантом за три копейки, охранником в клубе по ночам, доставщиком, грузчиком, когда приходилось совсем худо. Она и половины не знает.

Сейчас ситуация не лучше, между прочим. Теперь я начальник в отцовской фирме и получаю за работу совсем другие деньги. Но Мария даже примерно не представляет, какая на мои плечи свалилась ответственность, сколько я вынужден вкалывать.

Я делал и продолжаю делать все, чтобы у Марии и наших детей была нормальная жизнь. Я купил ей дом, обеспечил всем, что только может понадобиться. А она что делает? Даже завтрак с нормальным лицом мне подать не хочет.

Я заслужил свой почет и уважение. Она должна мне их выказывать ежедневно. Должна четко понимать, на ком держится эта семья, кто ее обеспечивает. И ценить! Мария просто обязана меня ценить.

Что же она делает вместо всего вышеперечисленного?

Психует на ровном месте!

Хоп – и развод, иди на все четыре стороны, Айк.

А вот хрен ей, а не развод.

Я даже на том свете ее в покое никогда не оставлю. Она моя женщина, та, кто будет со мной до конца.

Я ее, вообще-то, люблю!

А вчера...

А вчера красивая девушка просто встала передо мной на колени, облизнула губы. Посмотрела на меня так, что стало кристально ясно, что я могу выдолбить ее до гланд, и она будет рада.

Дальше какое-то безумие.

Меня будто переклинило на какие-то секунды. Я представил, как было бы обалденно сунуть ей в рот то, что у меня в штанах. Еще банально польстило, что меня готовы вот так запросто обслужить.

Сообразить ничего толком не успел, руки сами потянулись к ремню на брюках.

Оно, конечно, не факт, что сунул бы ей что-то там в рот. Вполне вероятно, в последнюю секунду удержался бы. Ведь не изменяю жене, я не из таких.

Но тут в кабинете появилась Мария со своими далеко идущими выводами.

Вовремя, вашу мать!

А может, и вправду вовремя. Зато точно ничего никому не сунул. Чист по всем статьям.

Кстати, я заметил, что в последнее время на работе сотрудницы частенько на меня заглядываются. Все пошло с того времени, когда отец отдал мне управление компанией.

За два года я практически удвоил прибыль, естественно это сказалось на премиях. И... на любви ко мне, как ни странно.

Сотрудницы стреляют глазами, призывно мне улыбаются. Обычно я это игнорирую, но все подмечаю.

Оно любому польстит, когда на тебя буквально вешаются.

Они вешаются... А вот от Марии ласк губами хрен допросишься! За все годы было от силы раз пять-десять.

И чтобы красиво встала передо мной на колени – такого вообще не случалось.

Просто в наших с ней постельных играх инициатор обычно я. А у меня подход другой, я не ставлю ее на колени, мне не до подобных тонкостей. Обычно я едва дожидаюсь, пока она уложит детей. Так сильно ее хочу, что все, на что меня хватает, – взять ее на руки и побыстрее уложить в койку на спину.

Ну вот да, вчера меня переклинило. На какие-то секунды позволил себе нафантазировать секс с другой женщиной.

Но представить не равно сделать! Я даже штаны снять не успел.

Разве за одно лишь намерение можно устраивать такой цирк с конями? Оно не факт, что осуществилось бы вообще. Если сравнить меня с любым из моих друзей, я чуть ли не святой. Те меняют любовниц как перчатки, имеют левые квартиры для секса.

Я же вечерами спешу к Марии, еще ни разу налево не зарулил.

И тут она мне выдает такое... Еще и в спальню ночью так и не пришла. А я ждал, очень! Сам за ней не пошел из принципа. Думал, все же хватит совести появиться. Но куда там. Этим она тоже меня изрядно взбесила.

Как же мне хотелось вчера надавать ей по заднице.

Я вконец распустил жену, это факт. И очень неприятный.

А все-таки как треклятая эсэмэска попала к ней, после чего она явилась в кабинет в самый сочный момент?

Я не отправлял.

Вера?

В теории, конечно, могла. Я на какое-то время отвлекся на документы, а телефон лежал на столе. Но для этого надо как минимум знать пароль на моем телефоне. Подсмотрела?

Я еще ночью сменил пароль, между прочим.

Если это Вера мне так напакостила, ей звездеч. Перво-наперво устрою допрос с пристрастием.

Выхожу из машины, шагаю к семиэтажному офисному зданию. Три первых этажа и подвальный склад занимает компания «ЛокоМебель», уже по праву моя.

Поднимаюсь сразу на третий этаж, к себе.

Я очень удивлен тому, что в приемной меня дожидается не Вера, а Софья, секретарь зама. Блондинка с кучым хвостом на затылке добродушно мне улыбается.

– Где Вера? – спрашиваю недовольно.

– Аик Барсегович, она очень просила ее заменить, взяла больничный на один день, у нее там...

Не слушаю, что у нее там. Мне до лампочки.

А еще мне кристально ясно, почему Вера изволила сегодня заболеть.

Знает кошка, чье мясо съела...

Подлая тварь!

Оно бы, конечно, можно прокатиться до ее дома. Но мне что, делать больше нечего, кроме как гоняться за секретарями?

Завтра придет, все и решу. А впрочем...

Подхожу к столу секретаря, выдираю компьютерную мышь.

– Найдете другую, – буркаю угрюмо и забираю мышь с собой.

Захожу в кабинет и сразу пишу знакомому безопаснику, прошу прислать мне человека. Хочу знать все наверняка.

Человек является уже через час.

– Снимите отпечатки с моего телефона и сверьте с теми, что найдете на этой мыши, – прошу его.

Когда рабочий день подходит к концу, я получаю результаты сверки отпечатков пальцев на почту.

Все становится кристально ясно.

Мать вашу так!

Меня выхлестывает от того факта, что моя же сотрудница позволила себе так подставить меня перед женой.

Чем Вера думала, когда лезла в мой телефон? На что надеялась? Что я не узнаю, что ли? Я кто, по ее мнению, debil?

Нет, это она debilка, если думает, что моя ссора с Марией хоть как-то выйдет ей в плюс. Она решила, что если предложит меня обслужить, то я расчувствуюсь и брошу жену, что ли?

Во-первых, я никогда не разведусь с Марией.

Во-вторых, я оторву голову любому, кто попытается разладить мой брак.

У нас дети, в конце концов, мои наследники!

Такой функции как развод в нашем браке в принципе нет и быть не может. Мария всегда будет только моя. Я так решил много лет назад и впредь намерен делать все, чтобы так оно и оставалось.

На секунду представляю, что бы я испытал на месте Марии, застань я ее с кем-то, как она меня вчера.

Закрываю глаза и буквально вижу ее на коленях перед другим мужиком. Эта картина мгновенно доводит меня до белого каления.

Нет, никогда такому не бывать.

К слову, застань я жену в провокационной ситуации, это закончилось бы смертоубийством. Не в фигуральном смысле. Я бы их обоих прибил. Схватил бы за затылки и стукнул лбами так, чтобы искры из глаз, а потом повторил процедуру раз тридцать. Меня лучше не провоцировать, опасно для жизни.

Нет, ну если чисто по-человечески, то я могу понять, почему Мария вчера взбрыкнула. Я бы отреагировал во много раз хуже.

Однако жена должна понимать, что она – не я, ей подобные выкрутасы не по чину. К тому же она конкретно перегнула палку со своим предложением о разводе.

Но все-таки не хочу продолжать с ней ругаться.

Как вчера не пойдет. И как сегодня утром – тоже.

Надо нормально с ней поговорить, помириться. В конце концов, еще раз объясню ей, что у меня с Верой ничего не было. Уже сегодня хочу получить свой массаж, секс и прочее, что мне причитается. Мне это нужно после зубодробительного рабочего дня.

Прошу секретаря заказать цветы с доставкой в офис.

Еду домой с охапкой красных роз на пассажирском сиденье.

Безотказный вариант.

Обычно Мария, увидев меня с букетом, улыбается, тает и делает все что я хочу. А я хочу! Ее губы, грудь, то, что она прячет под трусиками. Еще вчера хотел, и, если бы кто-то не выпендривался, помирились бы ночью, причем не один раз.

Странно, когда подъезжаю к дому, в окнах ни единого огонька. Хотя восемь вечера и на улице уже темно.

В груди шевелится нехорошее предчувствие.

Загоняю машину во двор, спешу в дом.

– Мария, дети? – зову их еще в прихожей.

И тишина...

Включаю свет, прохожу в гостиную. Тут ожидаемо пусто, как и на кухне. Вскользь отмечаю, что Мария даже не удосужилась вымыть посуду после завтрака. Все сгружено в раковину.

Да и хрен с ней, с посудой.

Сама-то где? Она по вечерам не гуляет, тем более не предупредив. Обычно ждет меня, что-то готовит, занимается детьми.

В груди неприятно екает.

Усвистала мне назло, что ли? Вот на кой так делать, а?

Оставляю цветы на столе в гостиной.

Поднимаюсь на второй этаж, захожу в спальню.

Она ожидаемо пуста.

Открываю шкаф, вешаю пиджак. Вскользь отмечаю, что одежда Марии на месте, хотя ее как будто стало меньше. Или так кажется?

И тут вижу на прикроватной тумбе красную пластиковую карту, которую выдал Марии на расходы. Опять забыла, растяпа? С ней бывает. У нее, конечно, есть и своя, но несколько лет назад я привязал новую карту к своему счету и выдал ей. Так проще – не надо ничего никуда переводить, она тратит деньги с моего счета, и никаких проблем.

Рядом с картой лежит салфетка. На ней что-то нацарапано простым карандашом.

Поднимаю и читаю: «Пошел ты в жопу со своей картой».

Глава 6. Красная тряпка для быка

Айк

В голове что-то щелкает, перед глазами плывет красная пелена. Я плотно сжимаю челюсти, играю желваками.

Перечитываю записку жены второй раз, третий.

Снова и снова изучаю послание бешеным взглядом и не могу понять, как Мария решилась на подобное?

Комкаю салфетку и швыряю ее на пол.

Злобно рычу в пустоту спальни.

Нахожу телефон и звоню жене. Сейчас она у меня попляшет на углях!

Мария берет трубку почти сразу, даже нормально отвечает:

– Айк, привет, я хотела поговорить...

Не слушаю, что она там хотела.

– Ты охренела?! – ору, совершенно не сдерживаясь. – Да как у тебя совести хватило послать меня в жопу? Я тебе кто? Быдло из подворотни, что ты такое себе позволяешь? Я хоть раз послал тебя в жопу? Ответь мне!

– Это я на эмоциях, – лепечет она, сразу стушевавшись.

– Быстро извиняйся! – снова ору. – Я внимательно тебя слушаю!

Неожиданно ее голос меняется, становится на порядок тверже:

– А ты ни за что не хочешь извиниться, Айк? Тебе тоже есть за что!

Я не привык слушать от нее такие речи, и к тону подобному не привык.

Шумно выдыхаю, пытаюсь справиться с собой. Не будет никакого конструктива, если продолжу орать. А мне нужен конструктив.

– Где ты? – спрашиваю почти спокойно, а потом все же срываюсь на резкий тон: – Я немедленно приеду, заберу тебя, дома нас будет ждать очень серьезный разговор. Ты мне все объяснишь и про жопу, и про отъезд.

– Не надо, не приезжай, – отвечает Мария.

– Я спрашивал тебя, что мне делать? Немедленно...

И тут она осмеливается меня перебить:

– Я не хочу тебя видеть, Айк!

На этом Мария бросает трубку.

Что это, как не хамство в последней степени?

Отвожу от уха мобильный, плююсь на него удивленным взглядом, а потом еле сдерживаю желание долбануть им об стену. У меня аж в ушах гудит от гнева.

Моя жена не просто охренела, она попутала все берега разом.

Но если она думает, что я спущу ей такое с рук, то она плохо меня знает. Айк Амарян не тот человек, кого можно безнаказанно слать в жопу, а потом еще и кидать трубку.

Веду пальцем по экрану, активирую приложение, которое отслеживает смарт-часы всех членов моего семейства. Я нечасто им пользуюсь, ведь за детьми следит Мария, а она в основном дома или в магазине, даже если собирается куда-то еще, всегда пишет мне. Всегда, но не сегодня.

Очень скоро выясняю, что жена и дети находятся по великолепно известному адресу.

К матери сбежала! Еще и детей забрала.

Ну, это ожидаемо, ведь ей больше некуда деться. Можно было сразу догадаться, что она там. Вот только отсиживаться у матери я ей не позволю.

Несколько раз с шумом выдыхаю, пишу Марии: «Собирай детей, через полчаса приеду за вами».

Она снова мне отвечает то же самое: «Не приезжай».

«Сказал, приеду. Собирайтесь, – снова пишу ей. – Не поедешь по-хорошему, я закину тебя на плечо и отнесу в машину».

И тут мне прилетает: «Мы не откроем тебе дверь».

Серьезно?!

Это что за бунт на корабле? Я подавлю его в два счета, я...

Уже хватаю ключи от машины, собираюсь выйти из спальни. А потом представляю, какой безобразный сейчас разразится скандал у тещи.

Я себя знаю, когда я на взводе, могу натворить серьезных дел. А сейчас я не просто на взводе, я в бешенстве. Всего аж трясет.

Но там же дети! Еще испугаются, Лиана так уж точно расплачется.

Нет, так не пойдет, я не стану устраивать разборки с женой при Давиде и Лиане. Мы так никогда не делаем. Должны быть в этом мире какие-то грани, которые не нужно переходить ни при каких обстоятельствах.

Но я же должен как-то поговорить с Марией, образумить ее, вернуть домой. Вдруг она там будет сидеть неделю! Так дело тоже не пойдет, мне и два дня без нее много.

Впрочем, устроить разговор с женой тета-тет даже на вражеской территории мне вполне по силам. У меня в той квартире есть засланный казачок.

Любимая теща!

Татьяна Александровна, мама Марии, меня просто обожает. Когда бы я к ней ни пришел, всегда накроет на стол, предложит кофе, спросит, как дела, побеспокоится.

Мои хорошие отношения с тещей обусловлены тем, что я очень много ей помогал. Было время, когда мы с Марией жили в ее квартире, и я очень старался не быть нахлебником. Продукты покупал, починил ей шкаф, в общем был полезным. Потом, когда у меня дела пошли в гору, тоже про тещу не забывал. Поменял в ее квартире мебель, купил ей посудомойку и много чего еще.

Как результат моих стараний – она никогда не настраивала Марию против меня, помогала с детьми и в принципе вела себя как адекватный человек.

В общем, теща у меня золото. Очень надеюсь, что не сусальное.

Усаживаюсь на кровать, пишу ей: «Здравствуйте, вы можете завтра с утра погулять с детьми часов в девять, а я бы пришел к вам в это время? Мне нужно нормально поговорить с Марией наедине».

Перечитываю свое сообщение, написал оптимально. До завтра успею хоть немного остыть. Вообще, не надо было звонить Марии на голых эмоциях.

Уже представляю, как завтра поеду разговаривать с женой, мысленно строю диалог.

Однако получаю в ответ совершенно не то, что хотел: «Айк, как ты мог? Спутаться с секретаршей...»

Нет, ну ни черта себе. Мне еще и перед тещей оправдываться, что ли?

Они меня обе доконают!

И что такого я смог, что жена с матерью мне этим тычут? Всего-то десять лет любил Марию, носил на руках, ах какой я нехороший.

Уже в который раз за последние полчаса выдыхаю в тщетной попытке успокоиться. Пишу теще: «Я не изменяю Марии, у меня с секретаршей ничего не было. Вы-то хоть поверьте мне, вы же меня знаете!»

Теща не сдается: «Мария видела тебя с ней!»

Но я тоже не сдаю позиций: «Что она видела? Как я поправляю ремень? Она не так все поняла, я ничего не делал».

«Мария мне рассказала другое», – стоит она на своем.

Тут уже не выдерживаю, записываю ей голосовое сообщение:

– Татьяна Александровна, при всем уважении, вы не считаете это глупым, что она вот так ушла с детьми, ни слова мне не сказав? Я ничего не делал, при секретарше поправил ремень на брюках, ну смешно же. Я не изменял! Мне необходимо спокойно поговорить с Марией, объясниться. Помогите мне как человек. Я что, много прошу? Вы же понимаете, что Марии нет никакого смысла со мной ругаться из-за ерунды, у нас крепкий брак, дети. Пожалуйста!

Вижу, что сообщение доставлено. Потом появляется значок, что прослушано.

И тишина...

И мертвые с косами...

Минуты три, не меньше, а то и все пять.

Но потом все же приходит ответ: «Приезжай к девяти тридцати. Давид будет в школе, Лиану возьму погулять. Спокойно поговорите».

Глава 7. Как Айк возвращал жену

Айк

Это была паршивая ночь.

Во всех смыслах паршивая!

Сначала я дико злился на Марию, мерил шагами кабинет, гостиную и даже спальню. А когда лег в постель, на меня начала давить тишина.

Я даже не представлял, что в доме вообще может быть так тихо.

Ни тебе звуков компьютерной игры из комнаты Давида, ни шагов Лианы в коридоре возле нашей спальни и ее просьбы поспать с нами эту ночь, потому что ей страшно. Ни шелеста шелковых простыней, оттого что рядом ворочается Мария, ни ее сладкого: «Доброе утро, милый».

До чего я дошел, меня стали раздражать даже гребаные пластиковые окна, которые поглощают весь шум с улицы!

Нет, с меня хватит.

Сегодня же моя семья должна быть дома.

Будет так и никак иначе.

Слава богу, уже утро, мои мучения закончены.

Ровно в девять тридцать я, как порядочный муж, уже стою под окнами квартиры тещи.

Надеюсь, она выполнила обещание и увела Лиану гулять.

Нам с Марией сейчас никто третий не нужен, учитывая, что я собираюсь сделать.

К счастью, мне не требуется звонить в домофон или в дверь, у меня есть ключи от квартиры тещи, те самые, которые Мария забыла, когда уезжала к ней. Так и висели в ключнице в нашей прихожей, я их прихватил, разумеется.

Поднимаюсь на нужный этаж, подхожу к двери, прислушиваюсь.

Там тоже тишина. Или это так кажется из-за толстенной стальной двери, что я установил в тещиной квартире?

Отпираю дверь, захожу в крошечную прихожую.

Слышу, как в ванной течет вода.

Мария в душе? Что ж, я подожду.

Иду напрямиком в гостиную, вскользь отмечаю, что идеально прибранная комнатуха изменилась – тут и там разбросаны игрушки Лианы. На диване важно восседает ее белый плюшевый мишка.

Бездумно поглаживаю мягкую шерсть игрушки. Усаживаюсь на диван и готовлюсь ждать.

Прокручиваю в голове все то, что собираюсь сказать Марии. Однако перед глазами моментально возникает картина того, как моя жена голая стоит под душем.

Мысли идут в совершенно другом направлении.

Представляю жену под струями воды и невольно чувствую прилив возбуждения. Она ведь у меня без одежды просто обалденная, все в ней точеное, упругое, даже грудь – и та до сих пор торчком, несмотря на то что она родила мне двух детей.

Обожаю ее грудь, плоский живот и особенно то, что она прячет между ног. Там все медовое, я проверял лично и многократно.

Минуты через три шум воды смолкает. Чуть позже открывается дверь, и Мария показывается в дверях гостиной в одном полотенце, обмотанном вокруг груди. Ее мокрые волосы лежат на плечах.

Жадно пожираю взглядом ее ноги, такие же стройные, как были у нее в восемнадцать. Поднимаю глаза выше и вдруг натываюсь на испуганный взгляд.

Ну е-мое, такое ощущение, что не мужа увидела, а какого-то взломщика. Чего так испугалась?

– Айк! – визжит она. – Как ты тут очутился?

Молча показываю ей связку ключей с круглым брелоком.

– Ты забыла дома, – говорю хрипло.

Ее страх мгновенно сменяется недовольством. Она хмурится и шипит:

– Что ты тут делаешь? Я тебя не приглашала...

Мои брови взлетают.

– Ты вправду думала, я не приеду? Так плохо меня знаешь?

Мария молчит, закусывает губу.

Несколько секунд буравлю ее тяжелым взглядом.

Внутри все кипит от желания подскочить к ней, сорвать полотенце и заняться с женой тем, для чего бог вообще создал женщину.

Титаническим усилием сдерживаюсь, говорю нарочито спокойно:

– В общем так, сейчас внимательно меня слушай и не перебивай. Про посыл в жопу мы поговорим потом. Сейчас о главном. Твой демарш с отъездом к матери я оценил. Но если ты думаешь, что я позволю тебе здесь остаться еще хотя бы на день, то ты заблуждаешься. Мы соберем вещи и вместе поедem домой. И ты поклянешься, что больше никогда вот так без причины от меня не уедешь. Будет как я сказал и никак иначе. Ты все поняла, Мария?

Закончив речь, выразительно на нее смотрю.

Марию, кажется, проняло, потому что ее глаза расширяются, становятся как у куклы.

Однако она отвечает совсем не то, что я хотел услышать:

– Серьезно, Айк? Ты считаешь, что у меня не было причины уехать из дома?

– Ни малейшей, – качаю головой.

И тут она срывается на крик:

– Я видела, как она стояла перед тобой на коленях! Она уже даже губы в трубочку сложила, готовилась тебя убаживать. А ты ремень расстегивал! Ты думаешь, я слепая? Или такая дура, что не в состоянии сообразить, что бы там произошло, зайди я хоть на пару минут позже? Да я видеть тебя после этого не могу!

Я подсказываю с места, нависаю над ней, чеканю зло:

– Ты правда готова разругаться со мной вдрызг просто потому, что кто-то постоял передо мной на коленях? Ну бред же!

Она отшатывается от меня, смотрит обиженным донельзя взглядом и снова кричит:

– Как ты не понимаешь? Ты меня этим убил, Айк! Мне в жизни не было так больно, как в тот момент... Даже когда я рожала тебе детей!

На последнем слове ее голос срывается, из горла доносится громкий всхлип. А потом начинается то, что я ненавижу больше всего. Ее нос и щеки краснеют, глаза влажнеют, по щекам начинают катиться соленые капли.

Ее слезы бьют по нервам не хуже свалившейся на голову бетонной плиты.

Не могу их терпеть!

Ни ее слезы, ни слезы Лианы.

Как только их вижу, мгновенно чувствую себя последним подонком. При этом неважно, что я сделал или не сделал. Винават или нет? Все равно коробит, и вот я уже готов на что угодно, лишь бы это прекратить.

– Так, стоп, – выставляю вперед ладонь. – Немедленно прекрати рыдать!

Но куда там, Мария и не думает успокаиваться.

Она зажимает рот ладонью, но даже так всхлипы все равно прорываются.

Не знаю, что сделать или сказать, чувствую себя последним ослом.

– Маша... – оторопело на нее смотрю.

– Не называй меня так! – выкрикивает она с новым всхлипом.

Ну еще бы, ей такое обращение сейчас против шерсти. Обычно я зову ее Машей только во время секса.

– Пожалуйста, успокойся, – прошу сдавленным голосом.

Чувствую, что начинают потеть ладони, а сердце стучит как оглашенное.

– Уходи... – шепчет она, отворачивая лицо.

А как я могу сейчас уйти? Я не могу.

Тянусь к ней, хочу обнять, но она отпрыгивает в сторону.

Все-таки хорошо, что квартира у тещи маленькая – Марии некуда от меня деться. Тут же настигаю ее, сгребая в объятия, несмотря на сопротивление.

– У меня с Верой ничего не было, – рычу ей в макушку. – И не будет!

– Все твои задержки на работе! Все твои командировки... Сколько раз ты мне изменил? Сколько, Айк? – стонет она, глотая слезы.

Только сейчас я наконец понимаю причину ее обиды. Что она там себе надумала? Сколько любовниц мне приписала? Сама придумала, сама обиделась – как это по-женски.

– Никого у меня не было, – хриплю на выдохе. – Только ты, всегда только ты одна. Мне больше никто не нужен.

– Ненавижу! – шипит она, стуча кулаком мне в грудь.

Позволяю ей это, потом сильнее к себе прижимаю и говорю на ухо:

– Люблю! Машенька моя драгоценная, только тебя люблю...

Она дергается в моих руках, пытается отпихнуть, но я не позволяю ей этого. Лишь крепче к себе прижимаю, целую ее макушку.

Постепенно ее сопротивление слабеет, всхлипы сходят на нет, она больше не дергается, не пытается от меня отстраниться.

Пора.

Целую ее в висок, в щеку, а потом решительным движением сдираю с нее полотенце.

Мария пытается его удержать, просит:

– Айк, не надо!

– Надо, – говорю твердо.

Еще как надо. Мне так уж точно.

Отшвыриваю полотенце подальше и целую Марию в губы, точнее вбираю их в себя. Обожаю ее нежный рот, сколько бы ни ласкал его, мне всегда мало.

Наш поцелуй как никогда сладок, он мгновенно меня заводит.

Мария поначалу упирает ладони мне в грудь, но я продолжаю натиск, прижимаю ее к стене, тараню ее губы своими.

И вот она уже впускает мой язык в рот, обвивает шею руками.

Наступает мое блаженное время.

Заниматься любовью с Марией – самое приятное, что вообще есть в этом мире.

* * *

Мария

Я не поняла, как это произошло.

Вот мы ругаемся с Айком в гостиной, кричим, меня всю трясет от обиды и злости. Секунда – и кадр сменяется: он уже рядом, сжимает меня своими ручищами. А потом я слышу признания в любви, которых мне так хотелось, клятвы в верности. И я уже у него на руках. Пара секунд – и мы в спальне.

Айк, прямо как солдат, разделся в считанные мгновения, а потом сразу на меня набросился.

Я и мяукнуть не успела, как он мной овладел.

Это было так ярко, так невыразимо приятно, что мне хотелось кричать, и я кричала, обнимала его, прижималась. Отдавалась ему, как в последний раз.

Но вот все закончилось.

Я остаюсь на кровати, прячу наготу под белым одеялом, а Айк почти сразу встает, принимается одеваться.

Отмечаю, как с каждой секундой все больше меняется его лицо.

Еще недавно он был моим прежним Айком, страстным и любящим, а теперь снова серьезный, чужой.

Муж уже успел натянуть брюки. Теперь как ни в чем не бывало застегивает белую рубашку, поправляет запонки на манжетах.

Он невозмутим, будто и не было у нас тех волшебных минут близости.

Подмечаю, нахмутив брови:

– Ты не пользовался презервативом.

Айк оборачивается ко мне, коротко бросает:

– Родишь третьего.

Вот так просто он за меня все решил. А меня спросить? Сейчас вообще время для третьего? Как по мне – совершенно нет.

Сажусь на кровати, удерживая на груди одеяло.

– Ты опять это со мной проворачиваешь! – возмущаюсь громче, чем собиралась. – Делаешь ребенка, даже не предупредив. Так нельзя, Айк, сейчас неподходящее время. Нам нужно со многим разобраться в наших отношениях...

– С чем, например? – он ведет бровью. – Здесь не с чем разбираться, у нас крепкий брак, таким он и останется. Никаких проблем у нас нет, все только что решили.

Неужели он правда думает, что, переспав со мной, автоматом все решил? Впрочем, по его виду заметно – именно так и обстоят дела в его голове.

– Собирайся, поедem домой, – следует новый приказ.

– Айк, даже если ты назовешь горячее холодным, оно таковым не станет. Бессмысленно замалчивать проблемы, – пытаюсь до него достучаться.

Он снова ведет бровью, смотрит на меня искоса и спрашивает:

– О каких таких проблемах ты говоришь, женщина?

– Да хотя бы о том, как ты со мной разговариваешь! – я тут же вспыхиваю. – Разве сам не замечаешь? Ты мне приказываешь все время, ты...

Айк недовольно пыхтит, обрывает меня на полуслове:

– Зачем ты начинаешь? Только что помирились.

В его взгляде так и сквозит: «Молчи и слушайся».

Вот только я, кажется, слишком долго молчала в этом браке.

– Считай, опять поругались! – эти слова из меня буквально выпрыгивают.

– Собирайся, поедem домой, – повторяет он, сузив глаза. – Я не собираюсь тратить целый день на уговоры.

– Не поеду! – упрямо твержу. – И с места не сдвинусь, пока ты не начнешь учитывать мое мнение тоже. Айк, ты ведешь себя как доморощенный тиран! Может, хватит уже?

Он впечатывает в меня убийственный взгляд и цедит сквозь зубы:

– Ты вконец обнаглела, Мария. Ни в грош меня не ставишь! Я все для тебя делаю, вкалываю как лось последние десять лет – все в семью, все тебе... Ты хоть примерно представляешь, скольких усилий мне стоила покупка дома, машин? Мебель, техника, ремонт – все я, все на

моих плечах! Репетиторы для Давида, еда, одежда. Все на мне! Десять лет! Я ежедневно несу на себе огромный груз ответственности. Ты хоть раз спросила, как я устаю?

Сию на кровати, хлопаю ресницами. Такой отповеди я от него не ожидала.

Но как это я не спрашивала, устает он или нет? Каждый день, едва он приходил в работы, я все делала, чтобы ему было хорошо. Готовила его любимые блюда, старалась, чтобы дети его не беспокоили, разминала ему плечи, расспрашивала про дела на работе, слушала, поддерживала во всем. Вила уютное гнездышко, содержала его в чистоте и порядке, растила наших детей. Все эти десять лет я тоже очень много трудилась на благо нашей семьи. Как он может этого не замечать? Или это типа не считается, раз не приносит доход?

Дом он купил, так он тоже в нем живет, а не на лавочке в подворотне. И я не просила такой большой, это было желание Айка.

Репетиторов он оплачивает для Давида. Ну да, оплачивает, но ведь это и его сын тоже! Айк оплачивает, но именно я трачу по три часа в день, чтобы отвезти ребенка к этим самым репетиторам, разбираю с ним домашние задания и делаю миллион других вещей.

Что по поводу одежды, так его костюмы на порядок дороже моих нарядов и тем более того, что я покупаю для детей. У Айка одни лишь туфли стоят больше, чем некоторые зарабатывают в месяц. И он мне всерьез будет предъявлять за одежду? У меня, конечно, тоже есть дорогие вещи, но их не так много, потому что в повседневной жизни они мне не нужны.

Про еду вообще молчу, нашел чем упрекнуть. Между прочим, он тоже ее ест! Ежедневно поглощает с большим аппетитом все приготовленные мною блюда.

Айк тем временем продолжает:

– Ты ничего не ценишь, не уважаешь собственного мужа и те блага, которые я даю. Кто ты без меня, Мария? Что ты без меня можешь? Ничего! Все, что ты можешь, так это взять мою карту и с ее помощью решить свои вопросы. Еще и умничаешь при этом, осмеливаешься мне что-то там предъявлять. Общаюсь я с ней не так, видите ли...

От его последних слов у меня начинают гореть щеки. Становится так неприятно, что хочется закусить губу до крови, лишь бы хоть как-то унять это чувство. Я не то никчемное существо, каким он меня считает.

– Я тебе написала вчера, что ты можешь сделать со своей картой! – ляпаю это и прикусываю себе язык.

Но слово не воробей, к сожалению.

Четко понимаю – сейчас начнется.

И оно начинается.

Айк звереет на глазах.

– Так, значит? – рычит он, шумно дыша. – Деньги тебе мои не нужны? Может, и я не нужен? Ну, поживи без меня, почувствуй, как оно. Без карты, без машины, без моей поддержки... Думаю, пары дней тебе хватит, чтобы наконец одуматься и начать меня ценить!

И тут он делает то, чего я от него совсем не ожидала.

Подходит к столу у противоположной стены, хватает лежавшие там ключи от моей машины и кладет себе в карман.

Торопю от этого поступка.

Говорю сдавленным голосом:

– Мне же надо забрать Давида из школы, как я...

– Прокатишься на автобусе, – хищно скалится он. – Давно не каталась, да? Тебе полезно... Звони, как приедешь в себя, я тебя заберу.

После этих слов он вихрем вылетает из спальни.

Вскоре слышу, как хлопает входная дверь.

С головой забираюсь под одеяло и чувствую, что по щекам снова катятся слезы.

Когда Айк успел стать таким?

Глава 8. (Не) виноватый

Айк

Сажусь в машину и с чувством стучу кулаком по рулю.

Еле сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в него руками и не оторвать к хренам. Оно, может, и не получилось бы, ведь я вожу не жигули, а мерс. Немцы умеют делать машины. Но попытаться все же очень хочется.

Спрашивается, я зачем к Марии ходил? Вот за чем, а? Чтобы вконец с ней разругаться? Я ее домой забрать хотел! А в результате что? В результате полная жопа.

Хоть иди обратно, честное слово. Иди и добивайся своего.

Только если я пойду обратно, она ведь опять мне что-нибудь ляпнет и меня опять понесет, разругаемся еще больше.

Мария хороша, ничего не скажешь.

А я ведь старался, деликатничал с ней поначалу, пока она не начала нести чушь.

Жена мастерски взбодрила меня своим ослиным упрямством. Ишь ты, мириться она не хочет, и третьего рожать тоже. Вишня на торте – я опять послан в задницу. Хорошо еще она догадалась не упоминать треклятый развод. Иначе я вообще не знаю, что сделал бы.

Меня до сих пор аж трясет от ее слов.

Оборачиваюсь на многоэтажку, ищу взглядом окна квартиры тещи.

Интересно, Мария до сих пор в спальне голая под одеялом?

На хрена она решила показывать мне характер? Главное, раньше никогда так не делала, а сейчас в нее будто вселился бес. Что вообще происходит, я не пойму. Ведь уже практически помирились, так сладко переспали – и снова-здорово, ее переклинило.

Выходки жены бесят до рези в висках.

Небось, сидит там, дует губы, обзывает меня последними словами.

А вдруг плачет?

От этой мысли меня передергивает.

Сразу вспоминаются ее сегодняшние слезы, и меня снова пробирает, будто вижу их в реальности.

И снова хочется обратно к ней.

Может, все-таки подняться еще раз? Как-то попытаться поговорить в спокойном ключе.

Это разве дело – вот так расставаться? Не хочу уезжать. Вот совсем не хочу.

В то же время понимаю, что идти обратно нельзя. Иначе это будет воспринято как капитуляция с моей стороны. Меня в жопу послали, а я вот он, вернулся. Женщина должна видеть границы, как с мужчиной можно разговаривать, а как нет.

Дабы избежать соблазнов, завожу мотор и трогаюсь с места, рулю прямиком в офис.

Как назло, по дороге попадаю в такую пробку, что хоть эвакуируйся оттуда на вертолете.

Впереди какая-то авария, и машины движутся со скоростью улиток.

Трачу почти два часа на то, чтобы добраться до центра.

За это время успеваю окончательно остыть, заодно пожалеть, что все-таки не поднялся к жене, не попытался еще раз поговорить.

Очень скоро в голову забирается совсем уж неудобная мысль: что если Мария сегодня не позвонит? Или даже завтра? Упрется лбом и будет гонять обиды по кругу. Оно мне надо вообще?

На хрен я забрал у нее ключи от машины? Может, вернуть?

Ага, опять два часа по пробкам. Нет уж. Можно курьером, конечно. Но как это будет выглядеть? Я у тебя забрал ключи, милая, но это я несерьезно. На тебе их обратно, посылай меня в задницу периодически, мне это так нравится...

Такому не бывать!

Да и поздно уже, она наверняка успела уехать за сыном.

Словно в ответ на мои мысли прилетает сообщение от Давида: «Пап, что за дела? Почему мама без машины?»

Мой сын, родное мелкое хамло.

Вот уж кто точно не привык кататься на автобусе, так это Давид. Не знал он той жизни, какая была у меня в детстве, пока отец не занялся доходным бизнесом. Игрушки, прибитые к полу, вечное безденежье вплоть до того, пока я не стал подростком. Но я сделал все, чтобы он такой жизни не знал.

Впрочем, к сыну я сейчас несправедлив, он обычно не хамит. Однако смел не в меру и самоуверен, я в его возрасте никогда бы не осмелился предъявить что-то отцу.

Спрашиваю у него: «Что тебе сказала мать?»

Он отвечает: «Молчит. Вы опять поругались?»

Следом от него летит: «Че вы ссоритесь?»

Похоже, Мария вообще ничего ему не рассказала.

Ни про ситуацию в кабинете, ни про ключи от машины, которые я забрал.

Очевидно, что жена не хочет вмешивать в конфликт детей. Лиана-то ничего не поймет, разумеется, а вот Давид уже почти взрослый.

Что ж, это в какой-то степени благородно с ее стороны.

Ну раз она не хочет доводить все до крайности, мне оно тем более сто лет в обед не приснилось.

Поеду-ка я вечером нормально с ней мириться.

Оно не по-мужски, конечно, вот так сдавать позиции, и мне по-хорошему надо бы выждать день-другой, пока Мария все осознает. Но я как представлю еще два дня тишины дома, так сразу хочется выть.

Нет, хватит, достаточно.

После работы заеду купить две корзины роз для нее и тещи и прямиком к ним.

Какие там были у Марии претензии? Разговариваю с ней не так? Включу обаяние на максимум, буду вежлив и обходителен. Я умею, когда надо. В крайнем случае наступлю себе на горло, извинюсь за то, что забрал ключи от машины.

Потом увезу жену с детьми домой и плотно займусь вопросом пополнения семейства.

Мария родит мне третьего и вообще забудет про всю эту лабуду с секретаршей. В конце концов, она ведь меня любит. Если бы не любила, так не ревновала бы.

После того как принимаю это решение, мне сразу становится легче.

Все правильно, надо вернуть жену домой, а остальное я решу с ней потом. Выдам подробную инструкцию, как Мария должна со мной себя вести.

Пишу сыну: «Сегодня вечером приеду, заберу вас домой. Все будет как раньше».

«Обещаешь?» – спрашивает он.

«Обещаю».

Наконец выбираюсь из машины, иду к офисному зданию.

Поднимаюсь на нужный этаж, здороваюсь с коллегами, прохожу к своему кабинету.

А в приемной Вера.

Она тут же встает с кресла, лучезарно мне улыбается.

– Здравствуйте, Айк Барсегович.

«Ты! – хочешь заорать. – Ты, сука паршивая, какого хрена вставала передо мной на колени?!»

Не сделай она этого, не было бы у меня сейчас никаких проблем.

Вскользь подмечаю, что юбка ее делового костюма слишком короткая – снизу чуть выглядывает линия черных чулок.

– Зайди ко мне, – командую с хищной улыбкой.

Сейчас главное – не сорваться и не повесить секретаря на люстре при помощи этих самых чулок.

Глава 9. Третий ребенок

Айк

Я прохожу в кабинет, усаживаюсь в свое кресло.

Устремляю на Веру тяжелый взгляд и плотно сцепляю челюсти.

Секретарь с невинным видом встает возле моего стола, а потом вдруг спохватывается, разворачивается, зачем-то снова идет к двери, которую оставила приоткрытой.

И как идет – походка как у стриптизерши на сцене, каблуки у нее соответствующие. Откровенно виляет задницей.

Вижу, как она запирает дверь, и моя левая бровь поднимается.

Зачем бы ей это понадобилось? Мне что, сейчас опять будут предлагать то же, что и пару дней назад?

Очень смахивает на то...

Откидываюсь на спинку кресла, продолжаю буравить Веру взглядом. Мне любопытно, что она будет делать дальше и как далеко зайдет.

Она разворачивается на шпильках и направляется напрямик к моему столу.

Молча наблюдаю за тем, как она убирает с плеча черные волосы.

– Айк Барсегович, может быть, мы могли бы продолжить с того места, где закончили с вами в прошлый раз?

Серьезно? Надо отдать ей должное, хватка у девки прямо-таки бульдожья.

Но если раньше мне бы ее интерес польстил, сейчас ощущаю лишь дикое раздражение.

После всего, что случилось в моей семье за последние два дня, я эту тварь из окна выбросить хочу. Ведь это с ее подачи моя жена попросила развода. С ее!

К слову, Мария бы никогда не опустилась до того, чтобы вот так внаглую предложить секс чужому женатому мужику. Ей бы даже в голову такое не пришло. Моя жена в сто раз чище и благороднее.

И красивее! Что лицом, что фигурой, что душой.

В этот момент мне становится дико от того, что я чуть не совершил на дне рождения собственной дочки. Нет, ну серьезно, как я мог допустить даже мысль о том, чтобы что-то там сунуть в рот этой подстилке?

Что я вообще в ней нашел? Сейчас она мне даже симпатичной не кажется, хотя на нее многие пускают слюни. Она не сравнится с моей женой, и рядом не стояла. Чем я думал, когда расстегивал штаны? Зачем позволил этой дряни влезть в мою семью?

А впрочем, хорошо, что Вера закрыла дверь.

То, что я собираюсь ей сказать, не для посторонних ушей.

– Хочешь еще раз встать на колени? – подначиваю ее с пренебрежительной усмешкой.

– Если вы этого хотите, – томно и с придыханием тянет она.

Моего пренебрежения предпочитает не замечать.

– Вера, – начинаю делано спокойным тоном. – Почему ты решила, что имеешь право брать мой телефон и отправлять сообщение моей жене от моего же имени? Ты правда думала, что я об этом не узнаю?

Вера делает большие глаза и очень натурально охает:

– Что? Я никаких сообщений не отправляла. Вы что, как можно?

Дамы и господа, вот в ком пропала настоящая актриса!

– Я, по-твоему, идиот? – строго прищуриваюсь. – Я снял отпечатки пальцев с телефона, так что ты не отвертись.

– Отпечатки? – она снова картинно удивляется. – Я вас уверяю, что ничего не отправляла. Может, просто случайно передвинула ваш телефон, он же вроде бы лежал на столе, когда мы с вами работали с документами. Вот пальчики и остались...

Ага, передвинула, конечно.

– Ты дура или прикидываешься? – Мое терпение сходит на нет. – Лучше признайся, зачем тебе это понадобилось. Зачем ты отправила то сообщение и сделала так, чтобы жена застала меня в провокационный момент? Это ведь ты бухнулась передо мной на колени, я тебя об этом не просил. Лучше скажи сама, иначе я найду способ вытянуть из тебя правду. Уволю по статье, например. Повод я уже нашел, не волнуйся. И это не худшее, что я могу сделать.

– Что? – охает она и опускает задницу на стул напротив меня.

– Что слышала. Ну так как? Признаешься сама или...

– Может, хватит уже издеваться надо мной? – вдруг выдает Вера.

Такого я, честно сказать, не ожидал.

– Как же я над тобой издевался? – интересуюсь с прищуром.

– Вы думаете, это легко каждый день работать с вами, слышать ваш голос, находиться рядом в тесном пространстве и терпеть бесконечный игнор. У меня же к вам чувства! Да, да, Айк Барсегович, у секретарей тоже бывают чувства. Может, я тоже замуж хочу, может...

Она всерьез метит мне в жены? Обалдеть!

– Стоп, – прерываю поток этого бреда. – Во-первых, я уже женат. Во-вторых, ты мне глубоко безразлична.

– Это неправда! – заявляет она с чувством. – Я же видела, как вы на меня смотрели, вы хотели, вы жаждали, и потом...

– Стоп! – повторяю строже.

Все-таки я идиот.

Ведь и вправду смотрел.

К тому же не раз замечал, как старательно она меня клеит, и не пресекал. А мог бы. Больше того, должен был. И не сделал.

Считай, сам открыл этой твари дверь в собственный дом, чуть ли не ключи вручил, и она пошла гадить.

Но все-таки как хорошо, что я ничего не сунул ей ни в рот, ни куда-либо еще. Иначе она попросту развалила бы мою семью, разрушила мои отношения с Марией до основания.

Естественно, в будущем я ничего подобного не позволю. Ни себе, ни ей!

– В общем так, – говорю, буравя ее взглядом. – У нас с тобой никогда не будет никаких отношений. Больше того, ты сейчас же пойдешь в отдел кадров и напишешь заявление по собственному. В ту же секунду, как это сделаешь, соберешь свои вещи и пойдешь лесом. Иначе я уволю тебя по статье, как и предупреждал. Все ясно?

Вера торопится, бледнеет, а потом почему-то краснеет.

Подмечаю, как ее глаза наливаются праведным гневом.

– Вы не можете меня уволить, Айк Барсегович! – кричит она.

Меня забавляет ее реакция. Я не могу? Да я все могу.

– Это еще почему? – складываю руки на груди.

– Я беременна! – сообщает она с апломбом. – И отец – вы!

Чувствую, как у меня от ее слов начинает дергаться левое веко.

– Вера, позволь узнать, а каким способом я тебя оплодотворил? Воздушно-капельным путем, что ли?

Замечаю, как после моих последних слов ее лицо приобретает дикое выражение.

– Нормальным путем оплодотворил! – она практически кричит. – Классическим, тело в тело. И не надо больше делать вид, что...

– Что?! – прерываю ее тираду резким возгласом. – В смысле классическим? Я даже штанов не расстегнул до конца, дура! Что ты мне тут рассказываешь...

Вера смотрит на меня возмущенным взглядом, всплескивает руками и отвечает:

– Еще как расстегнули, Айк Барсегович!

– Это, интересно, когда? – спрашиваю с усмешкой. – В твоих влажных фантазиях?

Она вспыхивает, подсакивает со стула и продолжает возмущенным тоном:

– Три недели назад, командировка в Анапу. Вы, я, гостиничный номер. Не вспоминаете? Хмурю лоб, пытаюсь понять, к чему этот цирк.

Командировку в Анапу помню великолепно. Гостиницу тоже. Веру в моем номере – нет.

– Ты что мне тут пытаешься доказать? Я кто, по-твоему? Ударенный на всю голову? Думаешь, я не запомнил бы секс?

– А пить надо меньше, может тогда бы...

Вспоминаю первый вечер, который провел в командировке. Мы всей командой остановились в отеле моего старого друга Баграта Саркисяна. А у того праздник – день рождения отеля. Разумеется, не обошлось без банкета в зале ресторана при гостинице. А там столы ломились от угощений, ну и в бокале булькало изрядно. По-другому у Баграта не принято, гостеприимство через край.

Помню, у меня в то время разыгралась аллергия. Хрен его знает на что, сколько Мария ни гоняла меня к врачам, так и не выяснили, скорее всего от постоянного стресса на работе. Жена, само собой, положила мне в чемодан антигистаминные. Я их принял в тот день, по ее указке, и... Лекарства плюс алкоголь сделали свое черное дело. Я задрых как сурок прямо в номере. Помню начало вечера и утро. К слову, проснулся я совершенно один. Никаких Вер рядом со мной не было и в помине!

Что за сказки она мне тут рассказывает?

Тем более, в каком бы я ни был состоянии, секс с другой женщиной точно запомнил бы. Учитывая, что кроме жены я ни с кем не спал.

– Не было ничего! – стучу кулаком по столу. – У нас не могло быть секса. Где доказательства? Я должен принять твои сочинения как факт?

– Вот где доказательства! – Вера кладет ладони на свой живот, абсолютно плоский, к слову.

Вопросительно поднимаю брови. Ибо это как доказательство ну совсем не катит.

А она как будто что-то вспоминает, тут же поднимает палец и говорит:

– Есть еще ваше сообщение!

С этими словами она несется к двери, отпирает ее и спешит в приемную.

Наблюдаю за ней с вытянутым лицом и вскоре вижу, как она возвращается со своим телефоном. Радостно выдает:

– Вот, в нашей переписке!

– Сообщение – твое доказательство? – мне смешно. – Хочу напомнить, это ты могла сделать сама, так же как ты отправила сообщение моей жене два дня назад. Не катит!

Вера меряет меня донельзя обиженным взглядом.

– Вообще-то, вы прислали голосовое сообщение. Или скажете, такое я тоже могла подделывать?

С этими словами она роется в телефоне, очень скоро находит запись и проигрывает ее мне.

Слышу свой голос, к слову совершенно трезвый: «Где ты? Я искал тебя, зайди ко мне немедленно».

– Ну? Убедились? – фырчит она. – Естественно, я подумала, что что-то важное, побежала к вам в номер, а вы как накинудись... С порога!

Моя челюсть падает.

– Я? С порога? – спрашиваю вконец обалдевшим голосом.

Нет, максимум на что я способен, – это посмотреть. Я ведь не изменяю жене. Я никогда ей не изменял, у меня на другую, может, даже и не встанет. Или встанет?

– Айк Барсегович, ну вы два плюс два сложите! – возмущается Вера. – Стала бы я просто так к вам приставать с оральными ласками, если бы до этого ничего не было? Чтобы вы меня потом выгнали с треском с работы? Очевидно же, что у нас было! Я все последующие недели умирала от вашей холодности, вот и решилась на крайнюю меру.

Логике не вижу, но слушаю ее дальше.

– Мне просто до глубины души стало обидно, что вы на следующий день повели себя со мной так, будто ничего не было, – продолжает Вера. – Просто смотрели и все... И потом этот игнор, который ранил душу. Ну я и решила ускорить события. Я прошу прощения, что написала вашей жене то сообщение. Наверное, надо было поговорить с вами начистоту, но на это не так-то просто решиться. Я не знала, что еще сделать... Поймите, вы мне судьбой предначначены! После той ночи я поняла, что люблю вас!

От всего этого бреда у меня начинается дикая головная боль.

– Вер, иди на свое рабочее место, – говорю потерянным голосом.

– Это все, что вы мне ответите? – охает она.

– Пошла на свое рабочее место, – чеканю строго. – Мне надо подумать.

Вера смотрит на меня с донельзя расстроенным видом. А потом собирается, вздергивает подбородок и отвечает:

– Думайте, Айк Барсегович, но не забывайте, что я ношу вашего ребенка!

И, слава богу, направляется к выходу.

Разумеется, при этом виляет задом.

Мне ее по этому заду уже хочется отходить ремнем!

Мать вашу так, да упаси боже иметь ребенка от вот этой вот...

Когда за ней закрывается дверь, прикладываю пальцы к вискам, начинаю массировать их по часовой стрелке.

Не помогает!

Мозговые нейроны буквально сходят с ума. Голова пульсирует от боли и обилия мыслей.

Неужели и вправду такое могло быть? Я с ней переспал?

Да ну нет, я не мог!

Не мог, и все тут. К тому же мое сообщение Вере в тот вечер вряд ли может служить достойным доказательством того, что мы с ней спали. А вот видеокамеры, которые были в той гостинице на каждом шагу, вполне могут раскрыть глаза на многое.

Сразу же звоню Баграту Саркисяну и прошу его прислать мне видеозапись с камер наблюдения на моем этаже за тот день, когда я якобы умудрился изменить жене.

Запись присылают на удивление быстро.

Впиваюсь взглядом в широкий монитор своего рабочего компьютера. Открываю видео, мотаю до нужного мне промежутка времени.

И замираю перед экраном.

Вот я, изрядно пошатываясь, добираюсь до номера...

А вот Вера, которая идет туда же ровно через двадцать минут. Причем она заходит без проблем! Я что, вправду впустил ее в свой номер?!

Просматриваю запись дальше. Посматриваю и просматриваю...

Вера покидает мой номер через два часа.

Она выходит в коридор, поправляет красное платье, даже, кажется, подтягивает лямку бюстгалтера. Будто одевалась впопыхах. Бросает взгляд на камеру и идет в сторону лифта.

Аут, товарищи!

Она провела в моем номере два гребаных часа!

Что она там делала так долго? Или... Что я с ней делал так долго?

Не помню ни минуты из этого. Так вообще может быть? Я что, был настолько не в адеквате, что не запомнил секс с другой женщиной?

В ту же секунду меня пробирает изнутри, ибо я вспоминаю одну деталь, которую подметил на следующее утро.

Я тогда пошел в душ – всегда начинаю свой день с душа. Так вот, когда искупался и подошел к раковине, то почти сразу приметил на белом кафеле ванной черные волосы. А на одном из сложенных на полочке полотенец увидел красную губную помаду. Я еще тогда подумал – хреново прибрали номер, не вымыли пол, не заменили полотенца. Даже пожаловался на это горничной. Имя у нее было такое необычное... Эвелина, кажется. Отчитал ее за безалаберность, она потом долго извинялась, все заново прибрала.

А может, волосы и помада – подарки от Веры? Она пользуется такой губной помадой и волосы черные.

Получается, она не просто так была в моем номере. Она сходила в ванную, после того как я ее... Я мог?

Е-мое, что ж я натворил-то!

От осознания того, что могло происходить в том номере, мне становится паршивей некуда.

Одно дело – чисто теоретически представить, что я мог бы покурлесить с кем-то там. Многие так делают, мы порой представляем секс с разными людьми, и это нормально. Фантазии, которые нас заводят, добавляют остроты.

Но в реале...

В реале секс с другой женщиной может стоить мне очень многого.

Меня ж Мария ни за что не простит! Она устроила мне армагеддец всего лишь за то, что Вера постояла передо мной на коленях. Что моя жена сделает, если узнает о приключениях в Анапе? Да мне ее недавнее представление покажется ласковым морским бризом.

Какого хрена я не взял Марию с собой в Анапу, ведь хотел же! Надо было брать. Тогда спал бы с ней, а не с этой вот...

Как мне сказать Марии о том, что я обрюхатил секретаршу? Это же убьет наши отношения. Десять лет брака, двое детей, налаженный быт, третий ребенок в перспективе.

Не от Марии...

С какими глазами я буду ей в этом признаваться? Клялся же, что не изменял. И смолчать про такое вряд ли выйдет, ведь ребенок – не вещь, его не спрячешь.

Так, стоп...

А этот ребенок вообще мой?

Он вообще есть?

С трудом верится, что Вера могла залететь после единственной ночи, которую я к тому же не помню.

Нет, я, конечно, снайпер, тут без вопросов. Сделал Марии Давида чуть ли не с первого раза. И потом, когда сказал жене, что хочу второго ребенка, она залетела в первый же цикл. Живчики у меня реактивные, тут ничего не попишешь. Но кто сказал, что с Верой обязательно должно было произойти так же?

Выдыхаю, чувствую, как кровь в висках прекращает бешено пульсировать.

Немного успокаиваюсь.

Снова поворачиваюсь к монитору, ввожу в поисковик запрос: «На каком сроке беременности можно проводить ДНК-тест?» Вроде бы даже на ранней стадии можно.

Очень скоро узнаю ответ – идеально на девятой неделе.

Неинвазивное дородовое определение отцовства.

Так, если с той ночи прошло три недели, это ждать еще больше месяца?!

В висках снова начинает давить...

Вот это я попал.

Так, ладно, спокойно.

Как-то разрулю ситуацию.

Встаю с кресла, направляюсь к двери, открываю и наблюдаю за тем, как Вера вытирает лицо салфеткой. Нос красный, глаза влажные.

Ревела, что ли?

Оно, в принципе, неудивительно, учитывая, как жестко я с ней разговаривал. И будь на ее месте Мария, я бы, может, даже усовестился, ибо у меня строго определенная реакция на женские слезы. Как по живому режут, не могу их терпеть.

Но... Так случилось, что в этой жизни меня трогают слезы лишь трех женщин.

Марии, Лианы и матери.

Мать при мне, правда, никогда не плачет. Мария – тоже, за исключением сегодняшнего дня. Зато дочка вьет из меня веревки своими слезами с самого рождения. Действует безотказно, причем каждый раз.

Однако слезоизвержения Веры мне до одного места.

Поэтому никак не реагирую на ее вид.

Строго чеканю:

– Зайди.

Она шумно хлопает носом. Потом зачем-то лезет в сумочку, достает оттуда какой-то листок и с ним идет в мой кабинет. Не забывает при этом гордо вздернуть подбородок.

– Что это? – спрашиваю, закрыв дверь.

Она протягивает мне какую-то справку.

– Это из женской консультации, – поясняет она. – Справка о беременности. Посмотрите, убедитесь.

Пробегаю взглядом по строчкам. Действительно, так и есть.

Изнутри пробирает холодом.

– Я смотрю, ты тщательно подготовилась, – хмыкаю недобро.

– Да, подготовилась, – заявляет она, сощутив глаза. – Я надеюсь, вы сейчас не поведете себя по-скотски и не станете требовать, чтобы я сделала аборт?

Я об этом даже не подумал. Для меня дети – святое. Кем бы они ни были рождены и в каких бы условиях ни были зачаты, они – божий дар.

В то же время понимаю, что рождение конкретно этого ребенка угробит очень многое в моей жизни.

– Что ты хочешь, Вера? Давай начистоту.

Она шумно всхлипывает, теряет всю свою уверенность и начинает мямлить:

– Я хочу родить этого ребенка. Пусть получился случайно, по нашей глупости. Пусть вы меня не любите, но он же живой, он не виноват...

Ее слова мне как нож в грудь.

Ребенок ни в чем не виноват, все так.

– Короче, Вера, – требую строго.

– Айк Барсегович, чем я вам не угодила? Почему вы не хотите даже попробовать со мной отношения? Вы же равнодушны ко мне, я это сразу поняла. Чем я хуже вашей жены? Она...

– Стоп, – резко ее прерываю.

Еще я не слушал мнения этой выдры по поводу моей жены.

– Ни слова о Марии. Я с ней никогда не разведусь, это даже не обсуждается. И с тобой у нас никаких отношений не будет. Ты меня ни в каком месте не привлекаешь.

– Зачем вы так жестоко... – стонет она.

И, кажется, снова собирается начать реветь.

Но я не из тех мужчин, которые будут такое терпеть.

Сую ей справку обратно в руки, потом меряю ее жестким взглядом и говорю:

– Слушай разнарядку. Ровно через шесть недель ты идешь сдавать ДНК-тест в клинике, которую я выберу. По результатам теста мы с тобой обговорим финансовую сторону вопроса. Если ребенок мой, я его признаю, обеспечу. Но на этом все.

– Зачем тест? – она смотрит на меня с нескрываемой обидой. – Если хотите знать, у меня никого не было, с тех пор как я устроилась к вам на работу. Я не шалава какая-нибудь!

– Тихо, – строго ее осаживаю. – Команды говорить не было. Я еще не закончил. С этого дня ты в моей приемной больше не работаешь.

– Я не буду увольняться! – возмущается она.

– Я не увольняю тебя, – отвечаю хмуро. – Просто перевожу в другое место, отныне ты будешь сидеть в приемной зама начальника отдела сбыта. Ему как раз нужна секретарь.

– Не хочу туда! – Вера качает головой и смотрит на меня умоляющим взглядом.

Еще бы она туда хотела – там работы даже больше, чем здесь. К тому же начальник с особенностями, точнее со вздорным характером. Вьедливый донельзя, цепляется к каждой мелочи, у него все под неусыпным контролем. За то и ценю.

– Вера, у тебя два варианта: или увольняешься по собственному или в отдел сбыта. Третьего не дано. Сидишь тихо как мышь, работаешь. Ждешь девятой недели срока, и пойдем сдавать тест. И да, еще одно условие. По поводу беременности ты молчишь. Ни слова никому. Когда получим результаты, я решу, как поступить дальше. Все ясно?

– Все! – пищит она и закусывает губу.

– Тогда попрошу освободить рабочее место.

Вера шумно всхлипывает, прячет взгляд и спешит покинуть мой кабинет.

К слову, больше задницей не виляет, на прощание смотрит на меня как собачонка, которую отходили газетой.

Не реагирую.

Нет, ну а что она хотела? Думала, объявит мне о беременности, и я тут лезгинку от радости станцую, что ли?

После ее ухода отдаю соответствующие распоряжения, велю прислать секретаря на замену. Позже найду кого-то на постоянку.

Усаживаюсь в кресло, упираю локти в стол и крепко задумываюсь.

Вот это я талантливо усложнил себе жизнь...

И что теперь со всем этим делать?

Еще и с Марией утром разругался вдрызг! На кой черт я это сделал? Вот на кой?

После всего, что случилось, утренняя ссора с женой кажется мне дикой глупостью.

Зачем я сегодня так оторвался на Марии? Чуть ли не силком потащил в постель, забрал у нее ключи от машины, обвинил непонятно в чем... Если ко всему этому добавить еще и внебрачного ребенка, развод мне просто обеспечен!

В задницу она меня послала... Ишь ты, обиделся, гордость мою ранили, видите ли. Зато она на стороне ни от кого не беременела. А разок за десять лет в задницу можно и сходить, тем более что в свете последних событий я очень даже заслужил.

Нет, если Мария узнает о беременности Веры, мне звездеч.

О каком уважении с ее стороны после такого может идти речь? О какой нормальной семье? Она же бросит меня как ненужную вещь.

От такой перспективы меня начинает колотить словно в лихорадке.

Надо срочно мириться с женой, и плевать, на каких условиях. Мне теперь вообще не до какой-то там гордости.

Беру телефон, звоню Марии раз, другой... Трубку не берет, зараза.

Но я не сдаюсь, пишу ей: «Маш, я тебя люблю».

Да, вот так с лету, с козырей.

Сообщение доставлено, прочитано и проигнорировано.

До сих пор дуется? Скорей всего, так.

Продолжаю телефонную атаку: «Маша, извини, что забрал ключи».

Она игнорирует и это тоже.

Подключаю тяжелую артиллерию: «Ты моя жена, я тебя очень люблю и ценю за все, что ты делаешь. Ты отличная жена, великолепная мать, я о лучшем и мечтать не мог. Ты – моя опора, мой тыл. Ты мне очень нужна, я без тебя не могу. Не рви мне душу, позволь забрать домой! Мне там тошно без тебя...»

После этого от Марии прилетает очень странный ответ: «Айк, у тебя раздвоение личности?»

Такого вопроса не ожидаешь от собственной жены.

Пишу ей: «С чего вдруг такие выводы?»

Она молчит добрых пять минут, а потом все же отвечает: «Ты сегодня утром мне заявил, что я обнаглевшая лентяйка, которая сидит у тебя на шее. А теперь ты пишешь, что я твой тыл. Как тебя понять?»

Ее ответ выбивает меня из колеи.

Я что, правда обозвал ее утром обнаглевшей лентяйкой? О чем я думал, когда это говорил?

Тут же ей пишу: «Маш, можно я приеду вечером, и мы обо всем нормально поговорим? Я очень хочу помириться. Больше не буду наезжать».

«Айк, у тебя что-то случилось?» – вдруг прилетает от нее.

Опа, догадалась. Чувствует меня.

А у меня случилось, да! Но я лучше руку себе отрежу, чем сейчас признаюсь ей во всем.

Пишу ей: «Просто устал ссориться, хочу наладить отношения».

Добавляю почти сразу: «Очень соскучился по тебе и детям».

Наконец получаю долгожданное: «Приезжай, поговорим».

Выдыхаю с облегчением.

С этой проблемой, кажется, разобрался.

Но что-то мне ни хрена не легче!

Ну помирюсь я сейчас с женой, а потом что?

В голове автоматом начинают прокручиваться все варианты развития событий.

Что будет, если Мария узнает о беременности Веры?

Впрочем, откуда бы ей об этом узнать? Веру я из своей приемной убрал, трепать языком запретил. К тому же еще неизвестно, чей там ребенок.

А даже если мой, я ведь не обязан рушить свою жизнь из-за одной маленькой ошибки. Кто сказал, что я не смогу спрятать ребенка? Очень даже смогу. Предложу Вере альтернативу ее теперешнему положению: например, приобрету для нее жилье в другом городе, найду непьющую работу с хорошим окладом. Отправлю ее с глаз долой, снабжу круглой суммой...

Так и сделаю.

Мария никогда не узнает.

Глава 10. Как она узнала

Мария

– Лиана, ну хоть минуточку спокойно посиди, – пытаюсь воззвать к совести дочки.

Но куда там, она бежит по салону красоты с такой скоростью, что ее хвостики так и скачут вверх-вниз.

– Пусть бежит, ты, главное, сиди спокойно, – просит мама.

И продолжает колдовать над моими волосами.

Оно, может, и не к месту делать новую прическу, когда в семье такой разлад.

Но мама предложила мне навести красоту, а я не отказала.

Ибо сидеть тут всяко лучше, чем лежать дома в кровати и гонять по десятому кругу мысли о том, что происходит сейчас между мной и Айком.

Тем более что атмосфера у мамы в салоне прямо-таки антистрессовая. У нее отдельный кабинет, окно чуть ли не в полстены, поэтому тут всегда светло, солнечно. Теплые пастельные тона в интерьере тоже настраивают на позитивный лад. Да и Лиана любит бывать у бабушки на работе.

– Встретишь Айку, и он обалдеет, – говорит мама, накручивая очередную прядь моих волос.

И то верно.

Айк сегодня придет, а я вся такая красивая и даже ни разу не зареванная. Готовая к серьезному разговору.

Смотрю на себя в зеркало, любуюсь кудряшками, а мама спрыскивает мои волосы лаком, отходит на шаг, любуется своей работой.

Да, это стопроцентно лучше – встретить Айку во всеоружии. Тем более что у меня несколько суперважных тем для обсуждения с мужем. Первая и самая актуальная: пусть уволит Веру. Видеть эту сучку не могу.

Есть и другие темы, конечно. Например, мне жутко надоело чувствовать себя служанкой в собственном доме. Я больше не потерплю такого к себе отношения. Он зачем на мне женился, чтобы помыкать? Надо бы нам немного перераспределить обязанности.

А еще...

Очень на работу хочу! Давно хочу, но Айк такой Айк.

В общем, прежде чем мы с детьми вернемся домой, я хочу о многом с ним поговорить.

«Люблю тебя, ты мой тыл...» – все продолжаю крутить в голове те фразы из его сообщений, что были мне дороже всего.

Повторяю его слова про себя снова и снова, а в душе прямо музыка. Он так давно не говорил мне таких вещей.

Все-таки, как это бесконечно приятно – знать, что ты ценна, что любима.

Однако мне совсем непонятно, откуда такой поток нежных чувств с его стороны.

Честно говоря, я так и не поняла, что заставило Айку поменять отношение ко мне. Ведь утром он чуть не поджарил меня взглядом, ключи от машины забрал, гадостей наговорил. А в обед уже – люблю, жить без тебя не могу. Что за шершень его покусал? Надо бы этого шершня отловить, приручить и заставить кусать моего мужа периодически.

Кстати, вполне может быть, что Айк этими сообщениями просто пытается заработать себе побольше плюсов, чтобы убедить меня родить ему третьего ребенка.

Вот как пить дать явится вечером и начнет твердить: «Хочу еще ребенка, срочно мне его роди».

Недаром же утром не предохранялся.

А я хочу третьего?

Честно, не знаю. Но пока что определенно нет. Нам бы наладить отношения, а потом уж...

Хорошо еще, у меня сегодня двадцать шестой день цикла, месячные должны начаться сегодня-завтра. Иначе думала бы серьезные думы, надо ли принимать таблетку после утренних подвигов Айка. На двадцать шестой день я точно не забеременею.

– Мам, хватит взбивать мои волосы, – прошу ее.

Она, кажется, слишком увлеклась.

В этот момент мы с мамой замечаем, как к салону подъезжает сиреневый седан. Паркуется у самого окошка.

Я вздыхаю, видя, как из машины выбирается моя сестра Катя. Ее светлые локоны треплет ветер, она хмурится, смотрит в окно прямо на нас.

– О-о, прилетела ведьма на метле, – хмыкает мама.

А я поджимаю губы.

Не предвкушаю эту встречу.

Мама призналась, что проболталась сестре о том, что мы временно остаемся у нее, и назвала причину.

Катя стопроцентно начнет расспрашивать у меня, что и как. А потом заведет любимую шарманку: надо взять лопату и на фиг сбить с головы твоего мужа корону, а то уже давит на мозги.

У них с Айком взаимная нелюбовь еще с тех пор, как он восемнадцатилетним студентом поселился у нас в квартире. Тогда сестре пришлось перебраться из нашей комнаты к маме, и ей это очень не понравилось. Она щипала его и подначивала все те месяцы, что мы жили у мамы. Я защищала его, а сестра злилась еще больше. Сам же Аик делал вид, что не замечает нелюбви свояченицы.

Потом мы съехали, появились племянники. Сестра присмирела, ходила к нам в гости.

Но даже спустя годы Катя периодически высказывает мне, что мой муж – божок, которого пора свергнуть. Что поделать, божок и есть, у него это прошито в базовых настройках. А сестра – вредина.

Кстати, тот факт, что она недолюбливает Айка, совсем не помешал ей пару лет назад получить в его фирме работу с приличным окладом.

Катя выучилась на бухгалтера, как и я, и теперь трудится в бухгалтерском отделе фирмы моего мужа. К слову, когда она туда устроилась, я упросила Айка взять меня тоже, хотя он был категорически против. Правда, проработала я там всего несколько месяцев. Лиана в то время только что пошла в садик и не очень хорошо переносила адаптацию, часто болела. Когда она в очередной раз подхватила соплю, муж устроил мне разбор полетов и запретил являться в офис. Я подумала, еще немножко посижу дома, пока ребенок не окрепнет, и Аик сдаст позиции.

С тех пор прошло два года.

Лиана давно ходит в садик регулярно, но Аик так и не вернул меня на работу. Что, разумеется, не добавило Кате приязни к моему мужу.

Мы с мамой слышим, как в коридоре салона стучат Катины каблучки, и вот она врывается в наш уголок мира и покоя.

– Маа-ам, – тянет моя сестра, едва показавшись на пороге. – Мне с Машкой надо поговорить с глазу на глаз, погуляй с Лианой пять сек.

– Что за секреты? – тут же настораживается мама.

– Ну пли-из, очень надо, – просит Катя.

Мне становится дико любопытно, что же такого сестра хочет мне сказать.

Тоже прошу маму:

– Пять минут, пожалуйста.

Мама недовольно поджимает губы, но все-таки кивает. Берет Лиану за руку и уводит.

Как только за ними закрывается дверь, Катя подходит к моему креслу.

– Укладочку делаешь? – спрашивает она с язвительным выражением лица. – Готовишься к свиданию с мужем?

– Даже если так, то что? – пытаюсь пристыдить сестру взглядом.

– А вот что...

С этими словами Катя сует мне под нос свой мобильный.

Беру телефон из ее рук, с недоумением разглядываю фото. На нем справка о беременности... Веры Никифоровой!

– Нормально это вообще? – сестра кипит праведным гневом.

– Откуда ты это взяла? – смотрю на нее с подозрением. – И зачем показываешь мне?

Сестра упирает руки в боки.

– Вот эту вот справочку наша звезда запостила в ватсапе, в женской флудилке для сотрудников. Типа случа-а-айно... Через пару минут удалила, написала, что ошиблась чатом. Но я-то в том чате админ! Естественно, быстро среагировала, сохранила у себя документик.

Сижу, хлопаю ресницами, все еще не могу сообразить, что происходит.

Катя тем временем продолжает:

– Я прижала к стеночке ее подружку, Светку Зайцеву... Очень мне стало любопытно, с чего такие выкрутасы в чате. Так вот, Вера ей проболталась, что твой Айк зажигал с ней в Анапе в командировке. Сколько недель назад это было? Три! Вот и справочка о трехнедельной беременности как результат. Сложи два плюс два, Маша!

Слышу это и не верю своим ушам.

– Он не мог, – мотаю головой.

– Долго будешь прятать голову в песок? – хмыкает Катя. – Он тебе открыто изменяет. Внаглую! Еще и детей своим сучкам делает...

Неожиданно в моей голове вспыхивает одна картинка. Вот она я три недели назад, стою в нашей спальне, разбираю чемодан мужа после командировки. Мой муж признает только определенный вид белья – черные трусы-боксеры. И вот, когда я доставала грязное белье, обратила внимание, что на одних трусах было засохшее пятно, напоминающее семя. Я тогда подумала, мало ли, может, Айку что приснилось, ну и сбросил напряжение так сказать ручным способом, запачкал белье и даже не заметил. Хотя раньше я за ним такого не наблюдала, и это показалось мне странным. Но я даже не спросила его об этом, поскольку еще недавно полностью ему доверяла.

А он, видно, и вправду сбросил напряжение. Только не самостоятельно, а с Верой.

Сопоставляю все факты и...

Пол с потолком почему-то меняются местами. Теряю ориентацию в пространстве и резко куда-то ухаюсь всем телом. И вот я уже не сижу в удобном кресле. Я лежу на холодном кафеле, а вокруг меня скачут лица Кати, а потом мамы и Лианы, которые успели вбежать в комнату.

– Мама! – кричит дочка.

– Маша, Машенька, что с тобой?

Хочу им ответить, а язык будто онемел.

Все тело онемело и больше не слушается.

Одно дело заметить, как твой муж только лишь расстегивает штаны перед другой. Чисто теоретически можно сделать вид, что ничего не было, твердить себе, мол, ну он же ничего не сделал. Как-то это принять, как-то жить с этим дальше.

Другое дело – знать наверняка, что секс на стороне был.

Глава 11. (Не) женатый

Айк

До вечера время протекает на удивление быстро.

Мне удастся засунуть куда подальше все паршивые мысли и плодотворно проработать почти до самого конца рабочего дня.

Возвращаюсь после деловой встречи в свой кабинет, собираю портфель. Самое время поехать к теще и забрать семью домой.

Решаю на всякий случай проверить, там ли Мария. Не хочу зря кататься по пробкам.

Открываю приложение, чтобы проверить ее местонахождение, и очень скоро выясняю одну прелюбопытнейшую деталь: милая дома.

У нас!

Что она там делает? Договорились же, что я приеду за ней к теще, поговорим о важном, а потом домой. Она решила пропустить этап разговора? Что-то не верится.

Впрочем, почти сразу понимаю, почему мою дорогую, любимую жену потянуло домой. Наверное, она подумала – там разговаривать будет в разы удобнее. И правильно! Конечно удобнее, да и мне не придется ехать к теще по всем пробкам. Одни плюсы.

Стопроцентно Мария после моих сообщений растаяла и решила, что пора вернуться. Ну я только за, однозначно рад и счастлив.

А жизнь-то налаживается!

Все-таки я женат на прекрасной женщине.

Проверяю по трекеру, давно ли Мария дома. Оказывается, она там уже два часа.

Ждет меня, милая, мириться хочет, а я на работе кукую, по встречам хожу.

Мне надо лететь домой! Зачем я теряю время?

Как же хорошо, что Мария такая разумная, сразу поняла меня, сразу простила. Наверное, тоже переживала, хотела помириться, да не знала как. Какой же я молодец, что открыто признался ей в чувствах. Все-таки женщины любят ушами, нельзя сбрасывать это со счетов. Кстати, надо взять такой метод на вооружение – хочешь побыстрее уладить конфликт, скажи жене что-то приятное, и дело в шляпе. Действенно!

Как же я рад, что она уже дома. В родных стенах разговор пойдет совсем в другом русле. Никаких разборок, споров и прочего. Просто озвучим друг другу свои пожелания, вот и все.

Предвкушаю теплый семейный ужин. Зная Марию, она наверняка его уже приготовила. Интересно, что за блюда? Обычно после командировок она балует меня каким-нибудь мясом, запеченным в духовке.

Представляю, как мне будет приятно после ужина посидеть с ней в кабинете. Уже почти чувствую ее нежные пальчики на моих висках. Она так талантливо массирует их мне, что мигом прекращает болеть голова. Потом разминает мне плечи.

Все хочу.

И ужин, и массаж, и Марию.

Залюблю ее сегодня по полной программе. Она у меня наутро вообще забудет про ссору. И завтра у меня будет такой завтрак, что даже короли позавидуют. Жена всегда делает мне такой после ночи страстной любви.

Кстати! Может, купить ей новую машину? А что, красиво обыграю – мол, забрал ключи, потому что хотел сделать тебе сюрприз. Вот тебе новая машина, милая.

Идея хорошая, тем более что я вполне могу себе это позволить.

Решаю, что займусь этим завтра же.

Но и сейчас мне не стоит появляться дома с пустыми руками.

Что лучше? Цветы или сразу зарулить в ювелирный? Впрочем, в ювелирный я еще успею, у Марии скоро день рождения, и она получит от меня шикарный подарок.

Решаю пока что ограничиться цветами и, довольный тем, как развиваются события, рулю домой.

Однако, когда подъезжаю, сразу понимаю – что-то не так.

Перед домом стоит кое-как припаркованный сиреневый седан моей свояченицы, Катерины. Что ей тут делать, когда Мария приехала домой мириться?

Выхожу из машины с букетом красных роз в руках. Оглядываю седан и подмечаю еще одну странную деталь – на заднем сиденье автомобиля лежат какие-то сумки.

А-а, понятно: она просто привезла Марию и детей, те же уезжали к теще с сумками. Вроде бы. Наверняка, Катерина просто решила помочь сестре. Но что-то многовато тут этих самых сумок.

По спине пробегает холодок.

Спешу в дом.

Захожу в прихожую и кричу прямо оттуда, даже не успев разуться:

– Мария! Дети!

Мне никто не отвечает.

Захожу в гостиную, скорбно подмечаю, что я совсем забыл выкинуть предыдущий букет роз, который покупал для Марии вчера. Он так и лежит тут, цветы увяли. Кладу новый букет рядом. Мария потом сама разберется с этим.

Слышу на втором этаже какой-то шум.

– Мария! – снова зову жену.

Поднимаюсь, сразу заглядываю в спальню.

Мария и вправду здесь.

Стоит ко мне спиной и роется в сейфе, вмонтированном в стену возле нашей кровати.

Оглядываю спальню и обалдеваю от царящего здесь бардака. Из шкафа, кажется, вывалены все вещи. Теперь лежат в диком беспорядке на кровати и полу.

– Мария, что ты делаешь?

Она резко оборачивается.

Подмечаю, что у нее новая прическа. Густые локоны обрамляют лицо, спадают на плечи. Такая красивая укладка совсем не вяжется с ее бледным видом, а глаза у жены красные, будто последние часы она только и делала, что редела.

Главное – как она на меня смотрит. С ненавистью!

И тут я понимаю все.

Она знает про Веру. И последние два часа она тут не меня ждала, а собирала вещи, чтобы уйти от меня насовсем.

Уйти. От меня.

Хочет бросить меня, как ненужную вещь.

Расставляю руки, готовый схватить Марию при любой попытке к бегству.

Рычу не своим голосом:

– Не пущу!

Глава 12. Не пущу!

Айк

– Не пущу тебя, слышишь? – продолжаю рычать и медленно двигаюсь на Марию.

Она смотрит на меня диким взглядом и шипит в ответ:

– Я тебя не спрашивала! Я ухожу, все!

Ее слова действуют на меня как укол адреналина.

– Нет, не все...

Бросаюсь вперед, хватаю ее за плечи и прижимаю спиной к стене.

– Не все, слышишь?

Хищно оглядываю Марию. Буквально пожираю взглядом каждый ее изгиб, каждую выпуклость. Прижимаюсь к ней телом.

– Ты моя жена, ты никуда от меня не уйдешь!

Мария упирается мне в грудь ладонями, пытается отпихнуть и фырчит как дикая кошка:

– Больше не твоя, мы разводимся, ясно?

Это она зря.

– Вся моя!

Провожу пальцем по ее щеке, губам и говорю:

– Лицо мое, губы мои, чтобы я их целовал!

Быстро провожу ладонью по ее груди и животу:

– Твоя грудь только для меня, чтобы я ее трогал и чтобы ты кормила ею моих детей. Твой живот, чтобы носить моих детей. И то, что между ног, исключительно для меня. Уразумей это раз и навсегда, женщина!

С этими словами опускаю руку ниже, провожу пальцами по ее джинсам и с силой прижимаю ладонь к треугольнику между ее ног.

– Все тут мое, и ты никогда от меня не уйдешь, я не пущу.

Секунда – и ладонь Марии взмывается в воздух, а потом хлещет меня по щеке. Оплеуха получается звонкая.

– Отпусти меня, козлина ты эдакий! – кричит жена.

– Ты совсем обалдела? – потираю ушибленную щеку.

В этот момент Мария пихает меня всем телом и каким-то образом выворачивается, отпрыгивает подальше.

– Это ты обалдел, если думаешь, что можешь делать на стороне детей!

Плотно сцепляю челюсти, буравлю ее взглядом.

– Я этого не хотел, – пытаюсь объяснить.

– Я зря за тебя вышла! – вдруг выдает она. – Не надо было тогда нам жениться, совсем молодые были...

А у меня после ее слов в голове калейдоскопом пронеслась наша жизнь. Первые ночи, что мы провели как супруги, этот бесконечный секс, от которого сносило крышу. Рождение Давида, а потом и Лианы. Бесчисленное количество счастливых моментов, ее признаний: «Айк, ты самый лучший», «Айк, я тебя люблю». Сколько раз она шептала мне это, постанывая в постели. Сколько раз я говорил ей то же самое. Сколько сделал для нее, сколько старался ради нашей семьи.

И теперь Мария смеет бросать мне такое в лицо?

– Зря вышла, говоришь? – шиплю зло. – Прямо ничего хорошего в браке не видела? А что ж ты тогда за золотом полезла в первую очередь? Если я такой хреновый муж, что ничего хорошего тебе не сделал, зачем тебе мои подарки? Или золото нужно, а я нет?

Указываю на резную деревянную шкатулку, которая лежит в сейфе за спиной Марии.

– Ты думаешь, я сюда полезла за золотом? – охает она. – Я хотела достать свидетельства о рождении детей!

С этими словами она поворачивается к сейфу, хватая шкатулку с драгоценностями. Потом снова разворачивается ко мне, открывает ее и вытряхивает содержимое в мою сторону.

В меня летят ее кольца, сережки, браслеты. Все, что надарил за десять лет. Украшения падают на бежевый ковер спальни.

– Мне ничего от тебя не нужно, – кричит Мария. – Не люблю тебя больше!

– Возьми свои слова обратно! – хриплю на выдохе.

– Не возьму, – говорит она и гордо вздергивает подбородок. – После такого нашим отношениям конец.

– Нет, ты возьмешь, – говорю с нажимом. – Я тебе докажу, что ты меня любишь! Мы не разведемся. Я вытрясу эти хреновые идеи из твоей башки!

С этими словами я снова бросаюсь к ней, сгребая в охапку. Припечатываю ее к стене грудью и прижимаюсь к ней всем телом. Вдавливаю в нее.

– Айк, отпусти! – пищит она.

Но я даже не думаю слушать. Хватаю ее за футболку и выдираю ее из джинсов, запускаю руку под белую ткань, обхватываю ладонью грудь.

– Я люблю тебя, – рычу ей на ухо. – Ты не можешь от меня уйти. Ты тоже меня любишь, я докажу тебе, что это все еще так...

– Айк, не надо! – она уже кричит.

Потом вцепляется в мою руку ногтями, царапает. Но мне все равно, боли не чувствую. А вот сильнейшее желание – да.

Я вдавливаю мужским достоинством ей в спину, она это чувствует.

Если сейчас не получу свое, я же, на хрен, взорвусь. Я хочу ее взять и возьму.

Тянусь правой рукой к застежке ее джинсов, пытаюсь расстегнуть.

И тут мне в уши врывается крик свояченицы:

– Отстань от нее! А ну, отпустил, гад паршивый!

Дальше мне в спину врывается что-то тяжелое и падает на пол. Оглядываюсь и вижу, что это учебник по математике Давида.

Почему-то этот предмет из обычной жизни действует на меня как ушат холодной воды. Резко трезвею, в голове проясняется.

Замираю, соображая, что я только что чуть не сделал с матерью своих детей.

Разжимаю руки, и Мария спешит от меня отпрянуть.

Замечаю на щеках жены слезы, и меня колбасит по полной программе. Зачем я так с ней?

– Ты мужик или кто? – орет на меня Катерина. – Дай ей собрать вещи, не веди себя как последний козел! Машка, ты нашла свидетельства?

– Свидетельства, – кивает она, утирая щеки.

Снова спешит к сейфу, достает оттуда документы, а потом выскакивает из спальни как ошпаренная.

Всеми силами удерживаю себя, чтобы не броситься следом.

Умом понимаю, что ничего хорошего из этого не выйдет, а нутро буквально выворачивает от желания догнать ее и притащить обратно в спальню. Запереться с ней тут и не выпускать ее. Мне уже даже секса не надо, хочу просто держать жену рядом и обнимать...

Слышу шаги Марии и Катерины в коридоре. Что-то шуршит по паркету, наверняка это чемоданы на колесах.

Минута – и все.

Я дома совершенно один.

Только теперь у меня нет надежды, что Мария и дети вот-вот вернуться.

Глава 13. Сбежавшие

Мария

– Пристегнись, – командует сестра с решительным видом.

Как только накидываю ремень безопасности, она стартует с места на полной скорости. Спешит увезти меня от проклятущего дома, который я еще недавно считала своим.

Мы сбежали оттуда, не собрав и половины вещей, которые я хотела. Просто не успели, но уже как есть...

Мне и детям сменная одежда и обувь имеется, учебники, книги я забрала. Документы тоже.

Остальным пусть Айк заглотится!

Ишь ты, золотом он меня будет попрекать. Да пусть подавится своим золотом, индюк с короной!

Смотрю на дорогу, сцепив зубы.

Чувствую, как меня начинает колотить. Это как отходняк после того, как прыгнешь с высокого обрыва прямо в воду, и не потому, что хотела прыгать, а потому, что пришлось.

Очень скоро у меня начинают трястись руки, губы, в горле растет ком.

Что если бы Катя не забежала в спальню? Айк изнасиловал бы меня? Как же хорошо, что я не поехала туда одна.

До сих пор перед глазами стоит его искаженное гневом лицо.

Вспоминаю, как он проводил рукой по моему телу и рычал: «Мои губы, моя грудь, живот...» Как схватил меня между ног.

Нашел, блин, контейнер для своих детей! Он будет бегать по своим секретаршам, а я ему третьего рожай. Ага, щас!

Я для него кто, бесчувственная свиноматка, что ли? Только и годна, чтобы рожать детей и ублажать его величество?

Он вообще во мне человека не видит. Я для него не личность, а собственность. По мнению Айка, я в принципе не могу иметь своих желаний и уж тем более не имею права от него уйти.

Он рассуждает так, будто я не человек вовсе, а дипломат или кресло, которое он купил. Неодушевленный предмет, в общем. Когда такое было, чтобы неодушевленный предмет хотел освободиться от хозяина? Непорядок.

Где тут любовь? Тут сплошное потребление. А ведь это все началось не сегодня. И даже не год назад. Как я могла допустить такое к себе отношение?

Еще и касался меня своими ручищами, после того как лапал Веру!

Фу-у-у...

Смотрю на свою правую руку, чувствую, что под ногтями что-то есть. Очищаю один ноготь и понимаю – это частицы кожи Айка, я ведь здорово полоснула его ногтями. Надо было еще! И по роже тоже.

Быстро лезу в сумку за влажной салфеткой, вытираю руку. Потом беру новую, тру левую щеку в том месте, где он касался меня пальцами. Потом задираю футболку, тру бок. Хочу стереть с себя его прикосновения, память о них. Пока делаю это, чувствую, как по щекам начинают катиться слезы.

Пытаюсь уговорить себя успокоиться и не могу.

– Маа-аш, ты в порядке? – сестра бросает на меня обеспокоенный взгляд.

– В порядке, – стараюсь задавить в себе всхлип, а он все равно вырывается наружу.

– Прости меня, – тянет Катя.

– За что? – поворачиваюсь к ней.

Сестра морщит губы и отвечает:

– Мне надо было раньше к вам бежать, а я куклы Лианы пихала в сумку, боялась, вдруг он нас сразу выгонит. Она ж без них жить не может... Дура я! Надо было тут же нестись к тебе, тогда бы он не стал на тебя накидываться. Или вообще надо было ехать туда с какой-нибудь охраной или полицией, а не самим вот так...

Вспоминаю то ощущение абсолютного бессилия, когда Айк прижимал меня грудью к стене. На какие-то секунды я реально поверила в то, что он возьмет меня силой. Не знаю, сделал бы он это или все же одумался бы. Хочу верить в последнее, но в любом случае впечатлений я хапнула на всю оставшуюся жизнь. Меня впервые вот так прижали. Однако Катя тут точно ни при чем.

– Ты не виновата, – качаю головой. – Спасибо тебе, что выручила и помогла с вещами.

– П-ф-ф, за это точно не надо благодарить. – Она машет рукой и сворачивает на нужную нам улицу. – Но какой он... Я никогда Айка таким не видела!

– Мне сейчас кажется, я вообще его раньше не знала, – говорю со вздохом.

Меня снова начинает колотить, как будто это вторая волна отходняков.

В довершение всего у меня в сумочке начинает вибрировать телефон.

Достаю, вижу на экране имя мужа.

– Айк, – обреченно вздыхаю.

– Я бы на твоём месте не брала трубку, ничего хорошего ты не услышишь, – фырчит сестра.

– Знаю.

Сбрасываю его звонок. Авось дойдет, что я его слышать после всего не хочу.

Но нет, не доходит.

Айк звонит второй раз, третий, четвертый.

Я сбрасываю и сбрасываю, а он набирает меня опять. Когда он наконец понимает, что я не буду с ним разговаривать, начинает бомбардировать меня сообщениями:

«Немедленно вернись!»

«Если ты сейчас вернешься, я прошу тебе то, что ты сказала про наш брак».

Читаю эти сообщения сестре.

– Не, ну он обнаглел вконец! – ругается она. – Простит он тебя! Совсем ошалел...

– А то... – пыхчу с обидой.

Но окончательно меня добивает именно следующее сообщение: «Ты понимаешь, что ты сейчас делаешь непоправимое?»

Читаю это сестре и просто взрываюсь от эмоций:

– Он вообще берегов не видит! Ты посмотри, это я... Я совершаю непоправимое! А вовсе не он! Это ж не он у нас делает детей на стороне, так? Не он чуть ли не оприходует секретаршу на дне рождения у собственной дочки. Вообще вины никакой за собой не чувствует, подонок. Хоть как-то попытался бы извиниться. Но куда там, не царское это дело перед челядью извиняться. Неужели он не понимает, как больно мне сделал? Катя, у меня от него волосы дыбом!

Айк все продолжает писать сообщения:

«Мария, будь разумна».

«Я не дам тебе развод. Только через мой труп!»

Сестра косится на меня, пока я читаю его художества.

– Да заблокируй ты его! Чего он над тобой издевается? – советует она.

– Заблокировать его телефон я могу, – вздыхаю с горечью. – Но как я его заблокирую от собственных детей?

Прячу лицо в ладонях.

Четко понимаю, что наши сегодняшние разборки с Айком – это только начало...

Глава 14. Дипломат

Айк

Я паркую машину на стоянке возле школы.

Специально приехал пораньше, чтобы занять лучшую выжидательную позицию.

Полвосьмого, рановато, но я очень не хочу пропустить момент, когда Мария приведет Давида на занятия. Потом подловлю ее и заставлю меня выслушать.

До чего дошел...

Я отслеживаю собственную жену, чтобы с ней поговорить!

А что еще делать, если дебил.

Перечитываю вчерашние сообщения, которые отправил ей, и от собственного идиотизма на затылке начинают шевелиться волосы. Ведь ни слова по делу не написал, никак не объяснил ситуацию с Верой, ребенком. А именно на это мне стоило сделать упор.

В эсэмэсках одни голые эмоции и крики души.

«Немедленно вернись!»

«Я тебя люблю».

«Ты не можешь меня бросить...»

Последние сообщения она, к слову, даже не прочитала.

А еще я как последний придурок поперся к ней вчера ночью.

Стучал, звонил.

Мне не открыли.

Меня попросту не пустили в квартиру.

А ведь там моя жена и дети.

И ключей от квартиры тещи у меня больше нет, я ведь оставил их в прошлый визит там, на диване.

Смотрю на правую руку, точнее на багровые борозды царапин, которые Мария мне вчера оставила. Вспоминаю, как прижимал жену к стенке, и не понимаю, что кому хотел доказать, пытаюсь взять ее, несмотря на явный протест.

Вот оно мне надо было вчера с наскока начинать на нее рычать?

Как услышал про развод, так кукушку и снесло. Напрочь.

Это для меня самый сильный триггер и самый страшный страх еще с тех времен, когда только начал встречаться с Марией.

Великолепно помню, как она целый гребанный год игнорировала меня в школе. Мне так безумно хотелось ее внимания, что я был готов на что угодно, лишь бы она со мной встречалась.

Когда Мария легла со мной в первый раз, я чуть не сделал ей предложение там же, на заднем сиденье машины. Я тогда получил с ней такое нереальное удовольствие, что по сравнению с этим все остальное в моей жизни меркло.

До сих пор, когда сплю с ней, чувствую тот же безумный кайф от контакта.

Понятия не имею, будет ли так же с кем-то еще и не хочу проверять.

К слову, в первые месяцы наших отношений мне почему-то казалось – еще чуть-чуть, и она меня бросит. Я очень постарался, чтобы она этого не сделала.

Потом страх забылся, у меня с ней все стало шоколадно. И я почему-то решил, что так будет всегда. А оно вон как неправильно в итоге сложилось. Одна паршивая командировка, один несчастный секс, которого я даже не помню. И все, звезда отношений всей моей жизни.

Нет, не позволю.

Я подробно и не таясь объясню Марии все про Веру. Она поймет, она же умная женщина. Она должна простить меня и принять обратно.

Все продолжаю вглядываться в прохожих на улице и вдруг вижу Марию с Давидом.
Мои дорогие, любимые.

Одеты легко, но оно и неудивительно – на дворе вторая половина мая, тепло и солнечно.
Давид в черных брюках и белой рубашке. Мария в джинсах и кофточке.

Таю, пока смотрю, как они идут к школе.

У самых ворот Мария тянется к Давиду, обнимает его, и он уходит. Почти завидую сыну.
Как бы мне хотелось, чтобы она вот так обняла и меня тоже или по крайней мере позволила мне прижать ее к себе.

Для меня наша размолвка – худшее, что могло произойти.

Пропускаю момент, когда Мария поворачивается и идет обратно к остановке.

Эдак я ее упущу!

Завожу машину и подъезжаю к перекрестку, паркую джип у тротуара. Успеваю выскочить как раз в тот момент, когда Мария проходит мимо.

– Стой, – прошу ее. – Давай поговорим, пожалуйста.

Мария округляет глаза, смотрит по сторонам, явно намереваясь от меня сбежать.

Не позволяю ей этого, в момент нагоняю, хватаю за руку.

– Ты не сбежишь, – качаю головой. – Мы поговорим, хочешь ты того или нет...

– Отпусти, – шипит она, при этом смотрит на меня испуганно.

– Ничего плохого тебе не сделаю, обещаю, – говорю примирительным тоном. – Просто побеседуем. Пойдем в машину, пожалуйста! Потом я отвезу тебя домой.

– Нет! – визжит она и старается вырвать руку.

Да что ж такое! Что за упертое создание мне досталось в жены.

– Мария, – говорю строже. – Ты прекрасно понимаешь, что нам нужен этот разговор. Можешь устроить истерику на людях, но ты со мной поговоришь!

Тут я лукавлю, конечно.

Мария не любит устраивать разборки при посторонних.

Подмечаю, как она оборачивается на прохожих, которые уже вовсю на нас косятся.

– Ладно, – говорит она, нахмурившись. – Но в машину все равно не сяду. Согласна на разговор только в людном месте.

– В людном так в людном, – киваю ей.

Мне сейчас все сгодится.

Оглядываюсь по сторонам, почти сразу вижу круглосуточный ресторан неподалеку. Мы даже сидели с ней там как-то, приличное место.

– Пойдем, – тяну ее за собой.

Мария вырывает руку.

– Сама, – твердит упрямо.

Гордо вскидывает подбородок и делает шаг вперед.

Ишь ты какие мы, за руку с мужем пройтись – ну никак.

Проглатываю и это, для меня сейчас главное – настроить ее на мирный лад.

Мы молча проходим полквартиры, заходим в ресторан.

Тут пусто, прямо как было во времена карантина. Большие столы застелены белыми скатертями, сервированы.

Словно из ниоткуда появляется официант и спешит к нам:

– Здравствуйте, хотите позавтракать? У нас есть чудное меню для завтрака. Куда хотите присесть?

– Я не буду завтракать, – сообщает Мария недовольным голосом.

Шумно вздыхаю, киваю на дальнюю вип-кабинку, что находится в левом углу.

– Мы сядем там, принесите нам два кофе и минеральную воду.

Достаю бумажник, вытаскиваю оттуда пятидесятирублевую купюру и вручаю официанту.

– Сдачи не надо. И не беспокоить нас.

– О, конечно, конечно. – Он спешит удалиться.

Мы с Марией усаживаемся за стол – друг напротив друга.

Внимательно слежу за женой.

Она молчит, на меня даже не смотрит. Кажется, ей милее выкрашенные в светло-лиловый цвет стены, их и разглядывает, причем очень внимательно.

Кофе приносят быстро. Аромат тут же забирается в ноздри, обещает обласкать язык вкусом. Но ни я, ни Мария не тянемся к чашкам.

– Ты привел меня сюда помолчать? – она не выдерживает первой.

Нет, не помолчать, у меня для нее тысячи слов. Только как бы их сформулировать четче и понятнее? Чтобы наверняка дошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.